Произведение также является автобиографически м отражением жизни Уго Ноэля, хроникой его духо вного путешествия через такие города, как Париж, Мадрас (Ченнаи, «Город Богоматери», где апостол Святой Фома свидетельствовал о своей вере) и Бог ота, где он сделал мир своей сценой. От своих мист ических переживаний — таких как та, когда он усл ышал голос Иисуса, спрашивающего, почему он за был его образ в своей спальне, открывая ему, что н е следует судить его по внешности, а по сердцу — д о испытаний, с которыми он столкнулся, таких как искушение демона, предлагавшего ему царства ми ра, Уго становится смиренным инструментом мира и примирения. Его стихи, охватывающие от проро ческих видений до философских размышлений, та ких как атеизм, согласующийся с христианскими п ринципами, являются молитвой, медитацией и, пр ежде всего, откровением древних истин: Бог — это чистое знание, а демон — чистое невежество.

Петрус Романус, псевдоним Уго Ноэля Сантандер а Феррейры, родился в Букараманге, Колумбия, в 1968 году. В «Гимнах Иисусу» Уго описывает свой мистический опыт с Иисусом, который 1 июня 2011 года помазал его как Пророка судить живых и мертвых.
«Царь царей» повествует о событиях 2022 года, к огда Святая Троица открыла ему, что он — Петрус Романус, накануне неудавшегося покушения, орг анизованного международными агентствами при поддержке Ватикана. Сейчас он пишет «Осужден ия», прелюдию к миссии, порученной ему Богом: провозгласить Царство Небесное на Земле.
Петрус также снял 5 фильмов и написал более 50 книг, включая рассказы, романы, пьесы и труды по онтологии.

Гимны Иисусу

помазаннику Судии живых и мертвых

Петрус Романус

MATTHEW
MARK
LUKE
JOHN
JOHN

Петрус Романус

Гимны
Иисусу

помазаннику Судии живых и мертвых

Consultorías Stanley Editores

Электронная книга Consultorías Stanley Editores и вывод
Оригинальное издание, август 2023 г.
Consultoriasstanley@gmail.com
Букараманга, Колумбия

ISBN: 9798856575001

Дизайн передней и задней обложки
© Лейла Тобиас де Сантандер

Фотография Уго Ноэля Сантандера Феррейры
Печатный и цифровой Возникла в Америке

Первый Версия

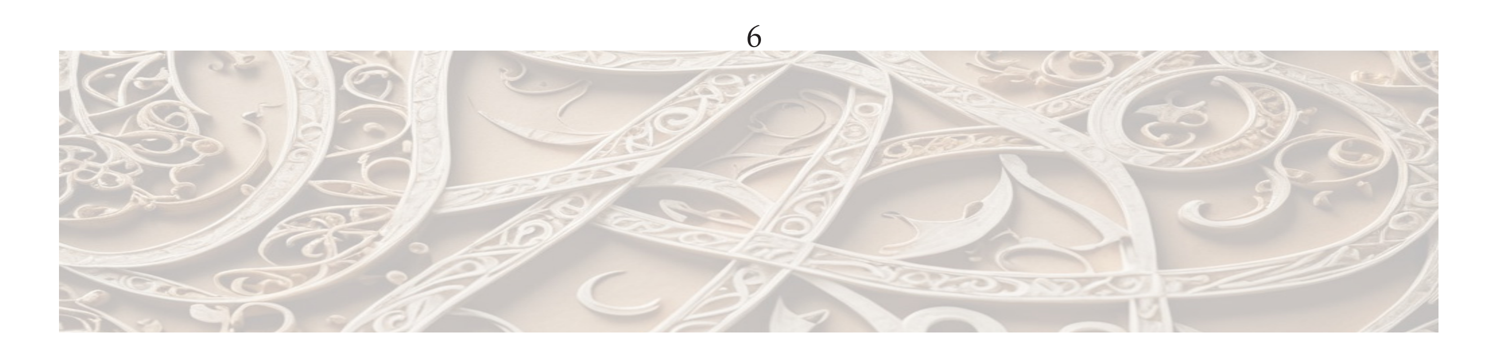
К Деве Марии, Матери Божьей

В этом больном и жестоком мире,
где духовное обманывание обычное,
из-за беспочвенных страхов перед смертью,
ты воплотилась, чтобы возвести меня
к моему дорогому Господу,
который даровал мне теопнеусти,
Дар Транскрибирования Божьего голоса.

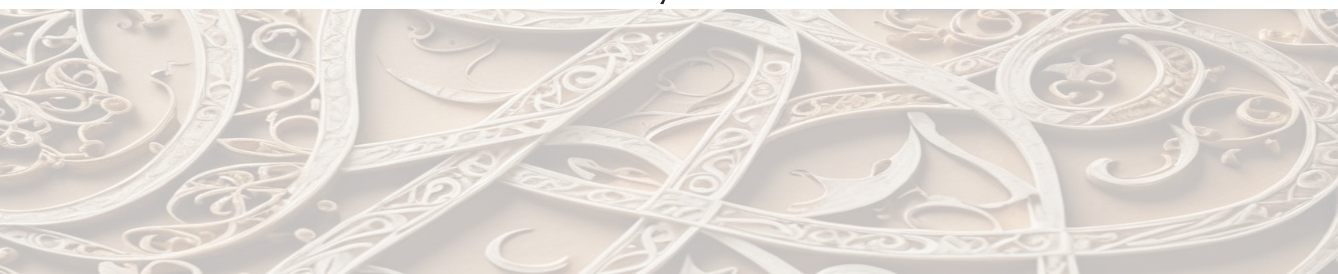
По твоей милости моя душа обретает божественную вдохновение,
и благодаря Небесной благодати преображается,
мой голос возвышается в стихах мудрости.
Через стихи и метафизику
голос Неба раздается и звучит,
когда, пиша, к тебе приближаюсь,
мои чернила преисполняются твоей славой.

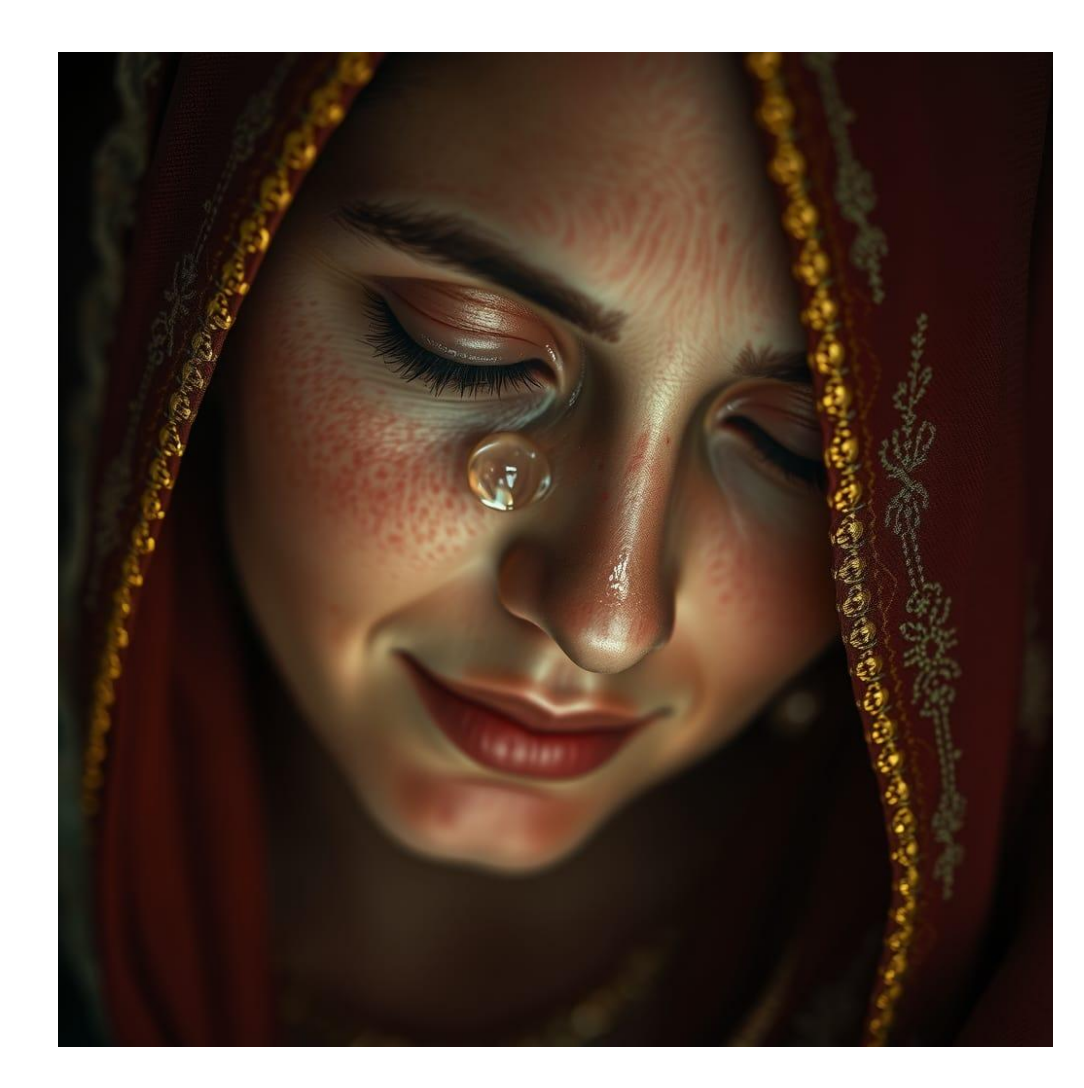

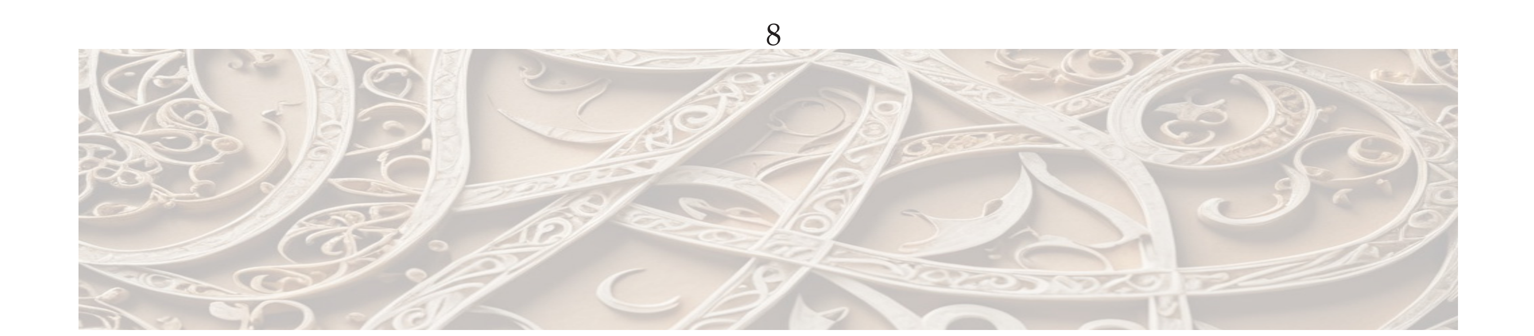

Индис

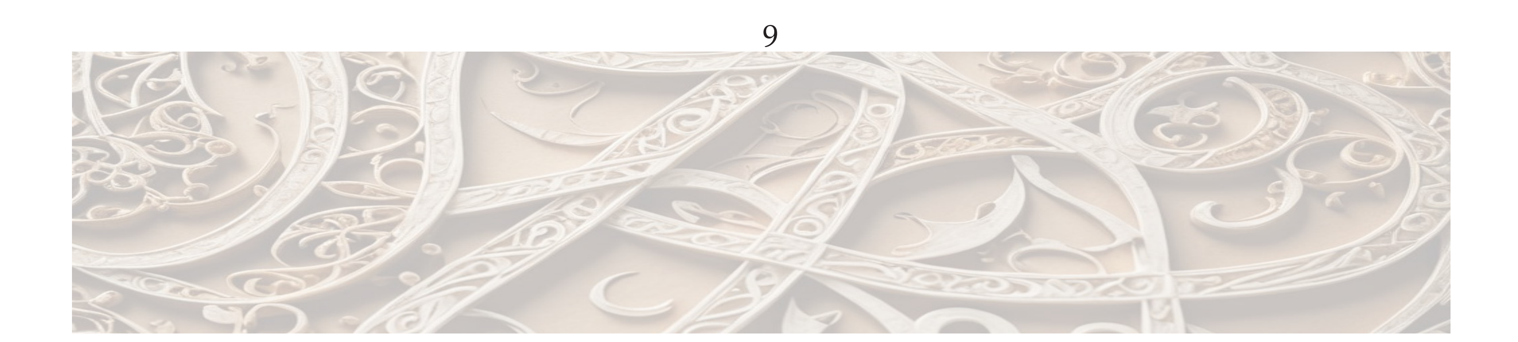

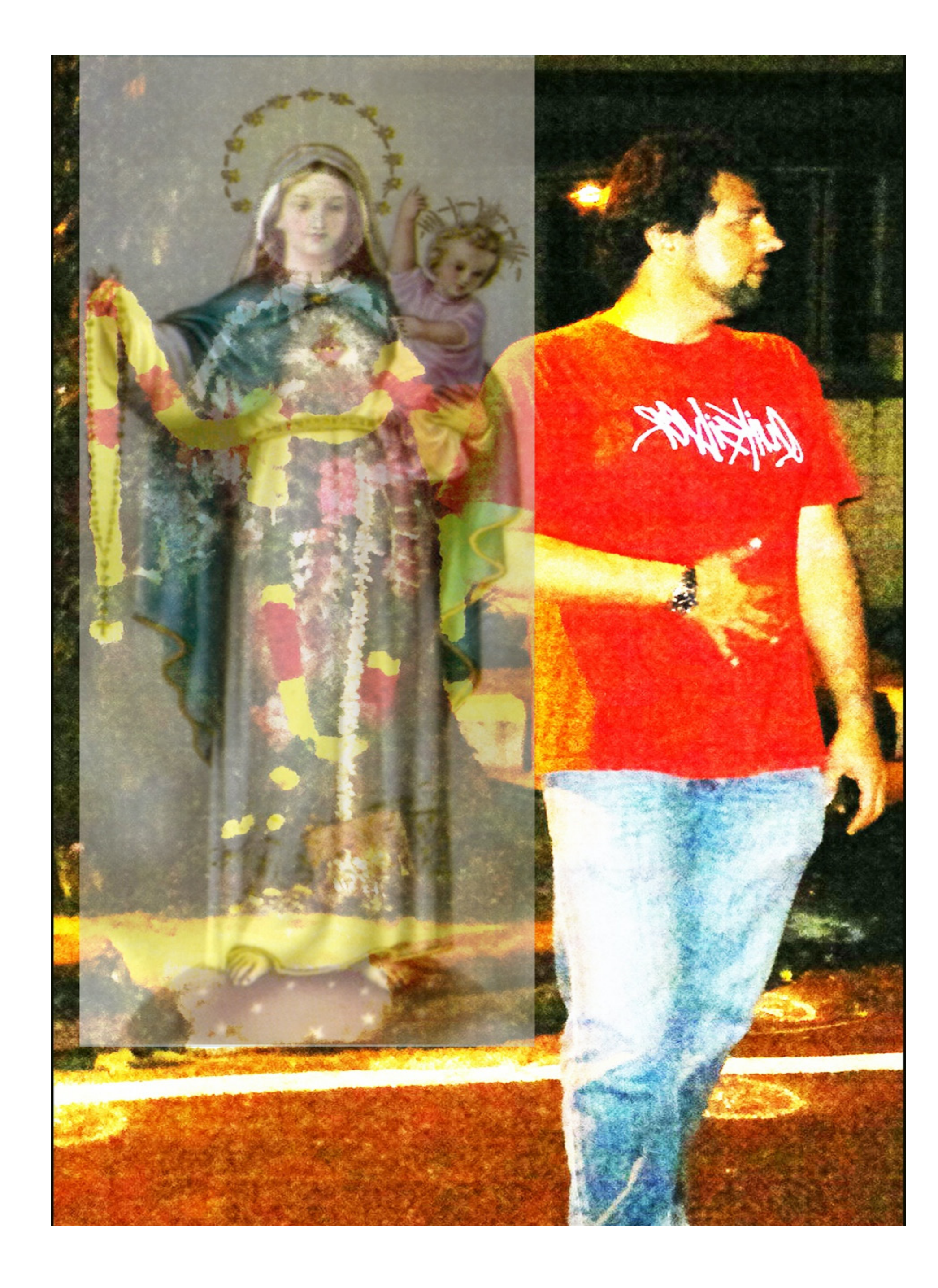

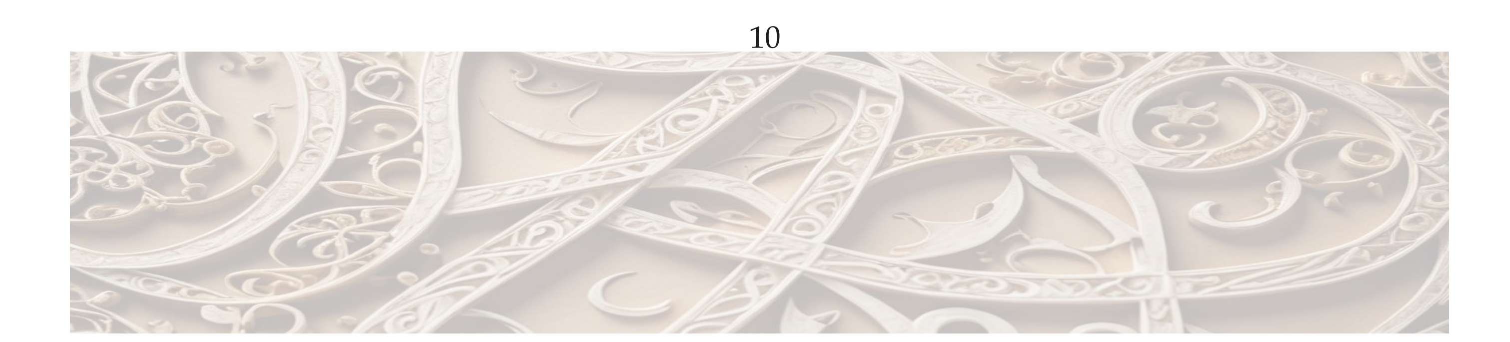

Ничто реально, и это море света

Robert Penn Warren

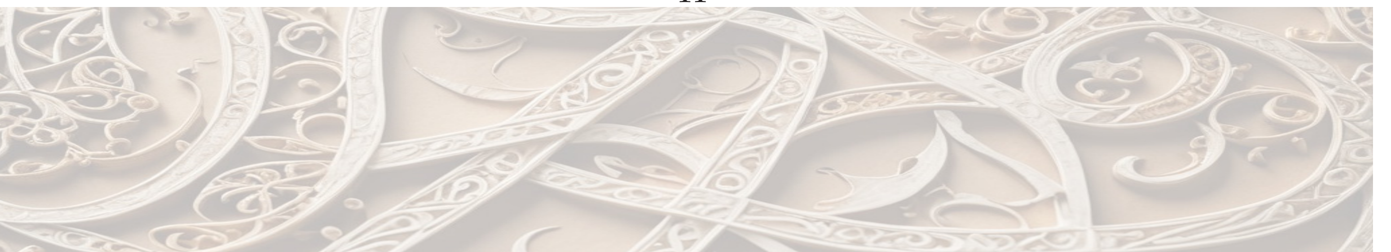

Пролог

В «Гимнах Иисусу, помазаннику Судии живых и мертвых» Петрус Романус, псевдоним Уго Ноэля Сантандера Феррейры, дарит нам возвышенную песнь, резонирующую с голосом божественного: «Пой, Иисус, Бог, Сын Человеческий!» Через утонченные стихи, помазанный как пророк Пресвятой Троицей и по просьбе Иисуса, поэт ведет нас в духовное путешествие, где его сердце встречается с вечным. Это произведение, одновременно духовное завещание и пророческий диалог, переплетает человеческое и божественное в интимном общении, до такой степени, что поэт говорит как Бог, а Бог как поэт, сливая их идентичности в преобразующей любви веры.

Укорененная в богатой традиции мистической литературы таких фигур, как Мейстер Экхарт, Тереза Иисуса и Иоанн Креста, поэзия Феррейры превосходит суету материального мира — славу, деньги, власть — чтобы вести нас спокойным голосом к тайнам божественного, некогда непостижимым, здесь раскрытым. Его стихи, вписанные в современную лирику, низвергают святость с религиозных иерархий, чтобы сблизиться с ней, поднимая нас от сложностей наших ежедневных страданий к искупительной силе взаимной любви Бога. В центре этого произведения Иисус предстает не как далекая божество, а как живая и близкая сущность: судья и спаситель, справедливость и милосердие, призывающий поэта — и, следовательно, читателя — к высшей цели: установить Царство Небесное на земле, противостоя Ватикану, церкви, которую Петрус Романус обвиняет в узурпации мирскими силами.

Произведение также является автобиографическим отражением жизни Уго Ноэля, хроникой его духовного путешествия через такие города, как Париж, Мадрас (Ченнаи, «Город Богоматери», где апостол Святой Фома свидетельствовал о своей вере) и Богота, где он сделал мир своей сценой. От своих мистических переживаний — таких как та, когда он услышал голос Иисуса, спрашивающего, почему он забыл его образ в своей спальне, открывая ему, что не следует судить его по внешности, а по сердцу — до испытаний, с которыми он столкнулся, таких как искушение демона, предлагавшего ему царства мира, Уго становится смиренным

инструментом мира и примирения. Его стихи, охватывающие от пророческих видений до философских размышлений, таких как атеизм, согласующийся с христианскими принципами, являются молитвой, медитацией и, прежде всего, откровением древних истин: Бог — это чистое знание, а демон — чистое невежество.

Присутствие Девы Марии переплетает божественную нить через всю коллекцию, воспеваемую поэтом как источник и путеводитель его пути к Иисусу. Мария, мать страдающих, заступается со своей материнской любовью перед Пресвятой Троицей, возмущенной грехами людей, предлагая утешение в моменты тревоги и защиту перед препятствиями. Ее божественное сострадание, проявленное в жизни пророка — страшного судьи, готового простить непростительное — переплетается с опытом, вдохновившим такие произведения, как «Новые вечера на Манхэттене» и его исследование явлений в Фатиме, Португалия, укрепляя поэта перед лицом сомнений и испытаний.

Универсальность этой поэзии — один из ее самых примечательных аспектов: хотя она написана на испанском языке, Уго Ноэль переводит и поет свои стихи на восьми языках, охватывая духовное и мирское, отражая жизнь любого читателя. Его стихи отвечают на смысл жизни, утверждают благородство как божественный щит и утверждают, что катастрофы не происходят из-за изменения климата, а из-за превращения милосердия и сострадания в эгоизм и жестокость в обществах. Через свою метрику и стихосложение, отражающие широту его души, Уго предстает как менестрель божественного, свидетель и участник небесной драмы, помазанный для обличения несправедливостей и принесения справедливости отчаявшимся, как это проявляется в названии произведения.

В эпоху, которая настаивает на том, что никто не особенный, что все мы живем в одиночестве и что удача подчиняется случаю, Уго Ноэль свидетельствует об исключительной жизни, основанной на любви к предписаниям четырех евангелий. Его исключительность заключается не в том, что ценит мир — власть, слава или деньги — а в достижении Бога и, с Ним, вечности, вселенной, Сущего. Через эти страницы читатели станут свидетелями его борьбы против обмана, дискриминации и несправедливости, песни человечеству,

напоминающей нам, что любовные желания не являются оскорблениями Бога, а божественным проявлением внутри нас. Каждое стихотворение — это приглашение задуматься о природе веры, цели существования и надежде в трудные времена, ведя нас за руку по пути мудрости, сострадания и единства, к нашему собственному общению с божественным.

Лейла Тобиас де Сантандер
Синселехо, Колумбия
7 апреля 2025 года

Пой, Иисус, Ты, Бог, Сын Человека

Пой, Иисус, Бог, Сын Человеческий,
Пой на моём кастильском языке.
Если прежде слава его была велика,
Теперь он — кладбище разбитого фарфора.

Из Твоего слова я выбирал
Голос Соломона, и в пустыне
Науки и философии
Вновь обретал Твой пример с надеждой.

Я мечтал о храмах, улочках,
И мы отплывали к гаваням и городам.
Сын школьной учительницы,
Которая учит поэтов всего мира.

И я выбрал в Тебе то, во что уже никто не верит —
Твоё воскресение, Твоё вездесущие,
Твою власть над раем и адом,
Твоё возвращение в конце времён.

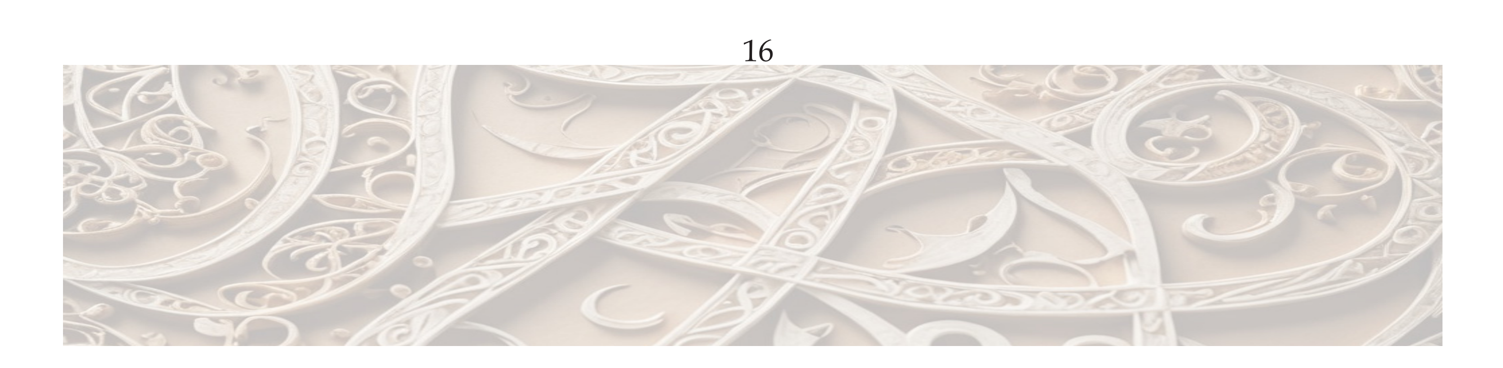
И если прежде я тонул в водах,
Сомневаясь в Тебе, и отрёкся трижды,
Теперь мы идём по огню,
Чтобы судить тех, кто всё ещё распинает Тебя.

Сегодня Тебя славит, как прежде,
Тот, кого Ты сделал Своим пророком,
В бесплодных садах обмана,
В бессердечном стволе моей Эры.

Почему ты удалил меня из своей жизни?

В 2010 году я поехал во Францию вдохновлённым,
Париж, три месяца несправедливого ожидания.
Чиновники-заговорщики задержали мой отъезд.
Я продал свою квартиру, чтобы выжить.

В конце ноября я прибыл в Мадрас,
2011 год — год, который расколет моё существование.
Апрель отметил конец занятий; в затворничестве
я смотрел на храмы Ченнаи с башни.

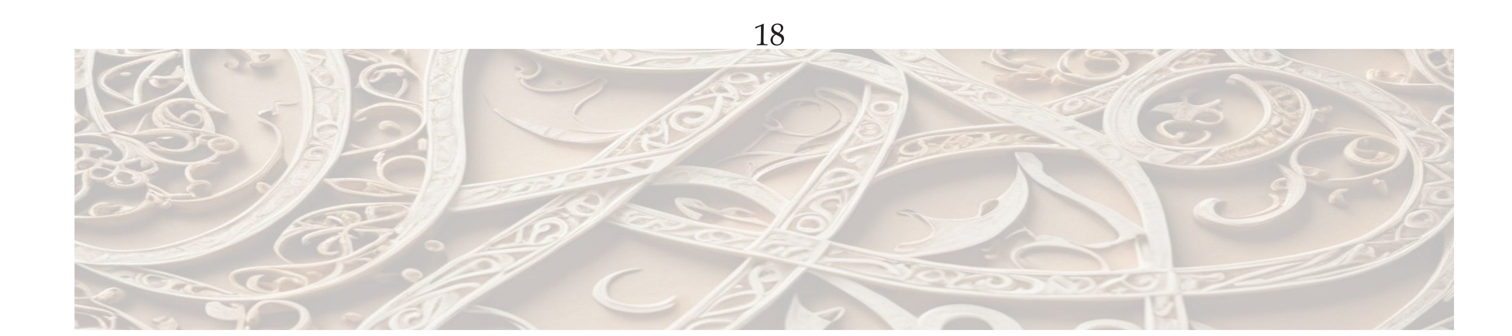
Трижды, как Самуила, ты звал меня,
Ночью, в соседней комнате,
я нашёл твой образ покинутым.
Почему ты отстраняешь меня от своей жизни?

Твоё кровоточащее сердце сияло передо мной:
«Ты не белый человек, изображённый здесь»,
Ответил ты спокойным, ясным голосом:
«Не суди меня по лицу — суди по сердцу».

«Пожалей своих европейских братьев», — добавил ты,
«Они больше не умеют править, они потеряны».
В раскаянии я рыдал у твоих ног:
Как я мог судить тебя по внешности?

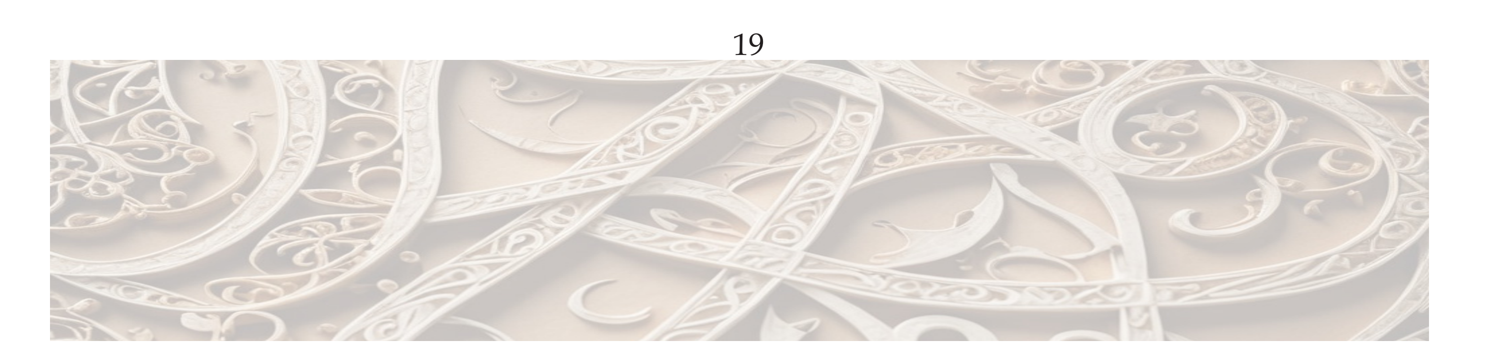
Философы и поэты

Трансцендентные вопросы, как говорят,
Непостижимы, неразрешимы,
С Кантом метафизика пала,
Или, как Гекуба, осталась в плену.

В пятничную ночь Святой Дух
Открыл мой третий глаз, и в мгновение
Я постиг тайны вселенной,
Огромная боль разлилась в моей груди.

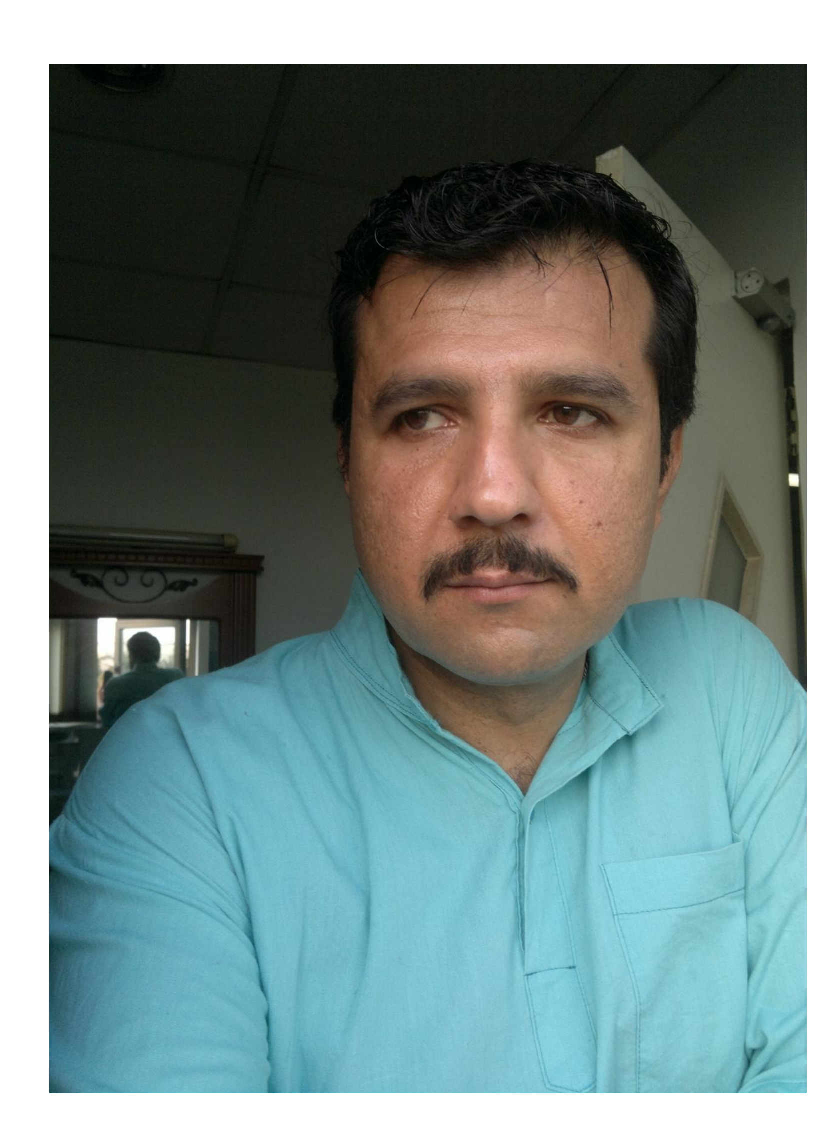
И тут же — высшая радость:
«Это пульс жизни!» — провозгласили боги.
На следующий день я ощутил присутствие,
Человека, который меня поздравил.

Это был Сократ, за ним Аристотель,
Платон, Шекспир, Беккет, Шоу,
Сотни мудрых душ меня обняли,
Голоса, что с тех пор говорят со мной.

Философы и поэты, которые в этой вечности
Становятся героями моей пьесы
«Симпозиум Аркадии».
Никто не объяснил поздравления,
Ведь, как и они, я достиг божественного знания.

Каждый - вертикальная ось

Каждый — вертикальная ось,
каждый — остров рядом.
А ты — неиссякаемый путь, матриарх,
дарующая всё, чего жаждут.

Счастье, украденное из Эдема,
из игры с ребёнком, что смеялся,
упавшим однажды днём на платформу –
в Порту ты одела его в белое.

Ты — закат над хрустальными жертвенниками,
над Гринвичем, золочёной гаванью,
на её берегах — инструментальное фаду,
вселенная нежданного объятья.

Существо, избравшее быть всеми существами,
чтобы явить своё творение —
даже тех, кто забыл,
что растворить эго — вернуться к Богу.

Любовь, к тебе вверяющий себя,
молитва, прогоняющая подлеца,
сострадание, гнев исправляющее —
как море Галилейское и его битва.

Меч Истины, что он всегда держал

Он был пророком, и с горы,
что видела его деревня внизу,
он льстил или обличал без лукавства,
стихами, которые втайне ненавидели.

"Сражайтесь за истину, учитесь
и действуйте, не оставляя правосудия –
к любящим вас или ненавидящим –
и не переставайте обличать несправедливость."

"Так мир будет вашим, как ныне мой."
Неверные обвинили его в предательстве,
схватили и бросили в колодец,
чтобы ранить камнями с дороги.

Увидев его живым, они собрались вновь
и снова донесли на него римлянам,
которые приказали тайно уничтожить:
"Мы не допустим новой Голгофы."

Разве они не видели Ангелов Господних?
Три года спустя, в землях, что он держал,
небо и земля вручают ему свои печати
и Меч Истины, что он всегда держал.

Не лучше ли новая религия?

В очередную ночь громкий голос
Сказал мне, что я буду исцелять больных,
И толпы будут меня обожать.
«Почему ты так любишь Иисуса?» — спросил он.

Не лучше ли новая религия?
Церкви пусты, ты это видел,
В Париже, где тебя оскорбили
За посещение церкви Монмартра.

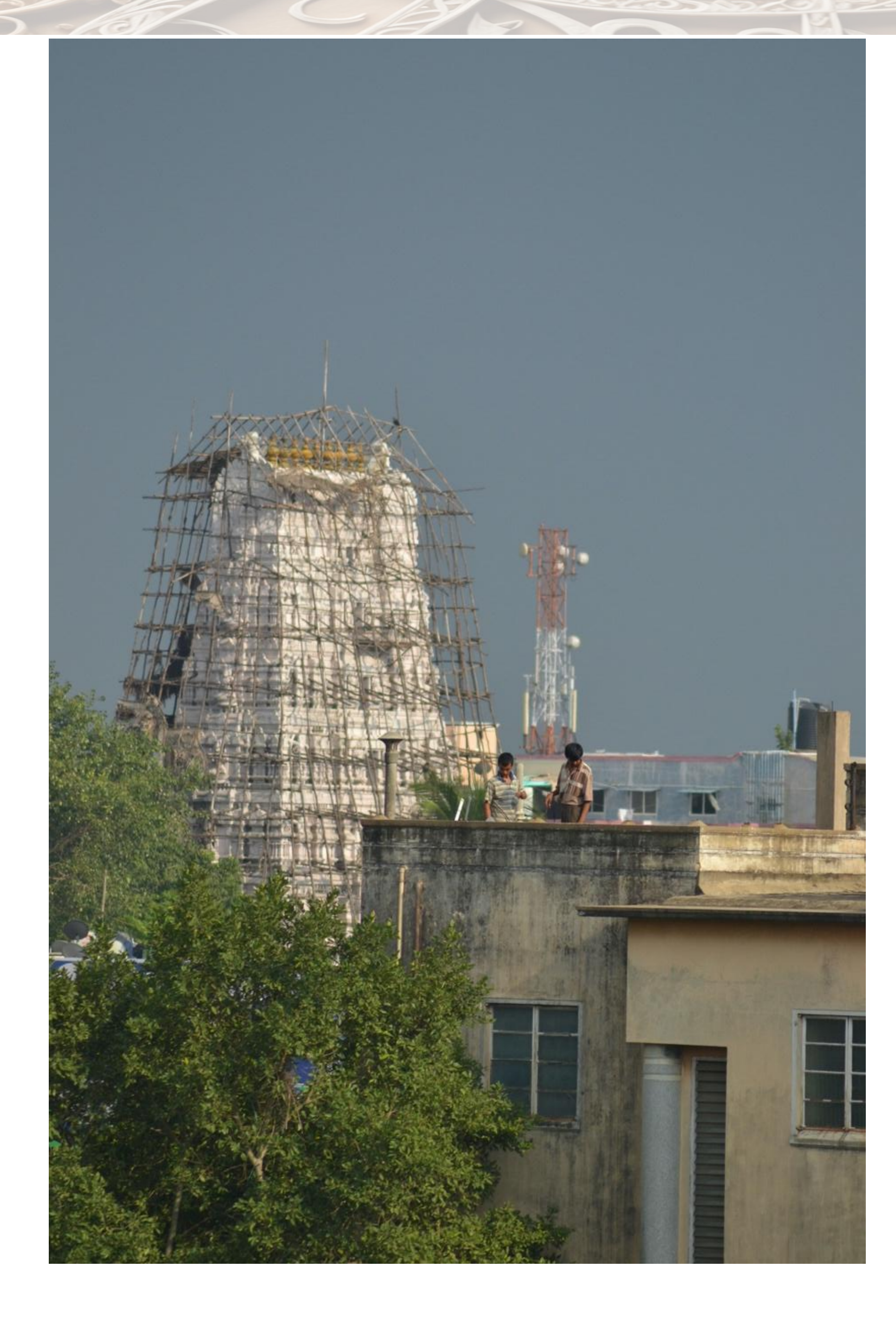
Ты ходил туда не только любоваться архитектурой,
Но и молиться Марии и святым.
Разве охранник не угрожал тебе за фото?
С наукой религии исчезают.

На мгновение я задумался над его предложением,
И душа моя разорвалась,
Как у мужа, что предчувствует
Боль любимой, которую он обманывает.

«Никогда!» — крикнул я, сокрушённый,
«Я никогда не покину моего Иисуса,»
Добавил я, вспоминая сладостного Баха,
Даже если мир ранит моё сердце.

Кто получил пощечину, но подставил другую щеку

Я творец, скульптор из глины,
Создатель жертвенников и таранов,
Кто получил пощечину, но подставил другую щеку
Семьдесят семь раз по семь.

Тот, кто отмечал своё эротико-чувственное Бытие,
Рядом с научными и неверующими монахами,
Тот, кто достиг своего трансцендентного Бытия
И стал учеником своего божества.

Пыль, выбравшая жить без ужасов,
С идеями, которые Бог ей даровал,
Тот, кого спасли святые
И который обратился к любви.

Принимающий на себя все оскорбления,
Тот, кто сегодня действует с умеренностью,
Об несправедливых и шаловливых зверей,
Тот, кто молится о своей безысходности.

Моё сердце – алтарь, всегда открыт,
Я простил своих близких
тем, кто пытался меня отравить
Свидетель милосердия в звёздном свечении.

Моя душа и моя глина любимы Творцом,

У Иисуса научился искусству любви.

Пример для нас, кто в пыли живёт,

Воскрешение и вера – это любовь и волшебство.

Твое сострадание стало моей добродетелью

Твое сострадание стало моей добродетелью,

Намереньем, что Кант назвал легковесным,

К которому в старости он взывал —

Ни одна из твоих молитв не будет тщетной.

И я говорил без тщеславия и страха

Скрытым заговорщикам,

Один против хитрых знаменитостей —

Соль в лесу льстецов.

Моей судьбой, как думали обыватели,

Было стать кораблекрушенным в море,

Добычей, что звери укротили бы...

Но я знал — твои были и джунгли, и море.

Я просто верил Евангелиям,

И, как ты, исцелял больных и усмирял бури,

Ходатайствовал за Фукусиму — и ты услышал,

Тем, кого простил, даровал долгую жизнь.

"Если страдаешь от несправедливости" — писал я на стёклах,

"Прижми грудь к Иисусу, в какой бы стране ни был,

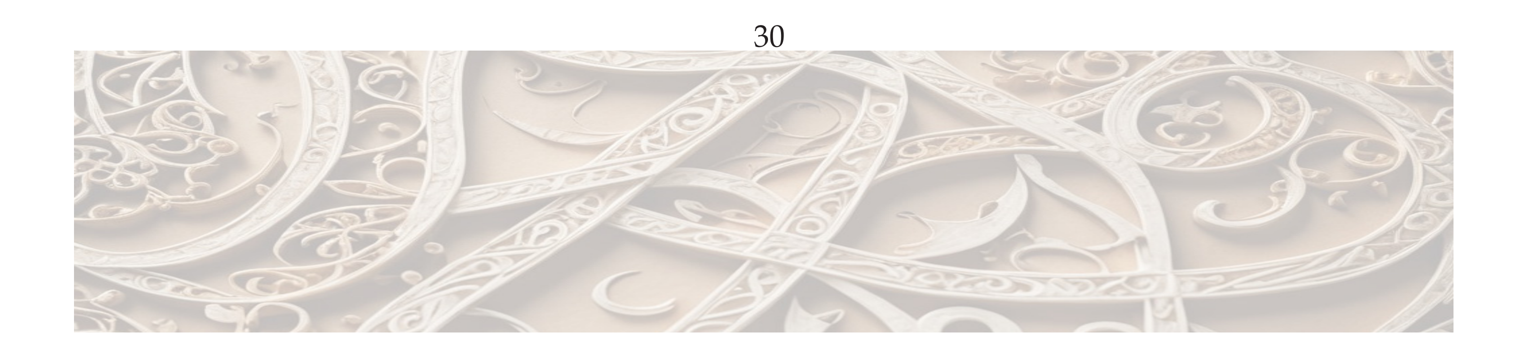
Пусть слёзы твои смешаются с его слезами".

А в клоаках Парижа объявляли ещё одно самоубийство.

При суде над людьми и их верой

И было существо, что являлось одно,
Из чувства к противникам своим пришло.
Нисхождение и восхождение в нем одно,
Комедии, любовь и крах оно собрало.

Существо, что память решило оставить,
Главный герой возможного, низложённый,
Упавший — и в падении нашедший благодать,
Сатана искуплённый, Бог — осуждённый.

Рассеянный во всём и во мне,
Ребёнок, начавший свою игру,
Иго, что я оставил ради Тебя,
Альфа света, омега страха — Ты.

Я не видел Его, не слышал — но чувствовал:
Боль самую мучительную и одинокую,
И радость самую высокую и полную любви —
Так я узнал: Эдем есть во всяком страдании.

Через несколько дней
Я задался вопросом о смысле моих книг,
О рассказах унижений и побед,
И голос Бога прозвучал в разуме моём:

«Когда судишь людей и их веру,
Возьми пепел построенного,
И переплавь его в кузницах Толедо,
Чтобы знали: Мы есть».

Я оставил тамильский и вновь обрел кастильский,
Что в Толедо был словом моих предков.
С тех пор я пишу оттуда — с небес суровых,
Над собором, чей путь мне вымощен камнем.

Я помазываю тебя своим пророком

Я слышу "Реквием" Томаса Луиса де Виктории
По зову внутри меня,
Пока пишу главу
"Киргизской весны".

Тот безоблачный полдень
Был первым июнем 2011 года,
Шелест крыльев прозвучал у окна —
Я поднялся и увидел белых голубей.

За ними лестница из облаков
Спускалась от зенита к моему окну,
Её перспектива была бесконечной,
Я заметил, как птицы пристально смотрели

На что-то или кого-то позади меня.
Вернувшись в комнату, я ничего не увидел,
Как вдруг услышал голос сладкий и любящий:
*"За любовь твою к заповедям Моим

Сорок долгих лет", — сказал Он,
"Дарую тебе все благословения Мои
И помазую тебя Пророком Моим
Судить живых и мёртвых."

И ты вверил ему голос огненный

Как Еноха, ты увёл его из Анд
К озёрам Европы, Азии и Америки,
Над Млечным Путём, Франкфуртом и Альпами,
Из Пондишери в город Гомера.

И ты вверил ему голос огненный,
Тому, кто спрашивал: не является ли грехом
Его равнодушие к лжи,
Желание скорого конца.

Уже в мечети Кордовы
Ты соединял одну за другой его антитезы,
Экстаз, что охватывает всё творение,
Матрицу религии и её немезиду.

С детства он говорил каждому правду,
Даже против своей воли; ни кнут,
Ни безработица, ни нож
Не смогли заставить замолчать голос твой в нём.

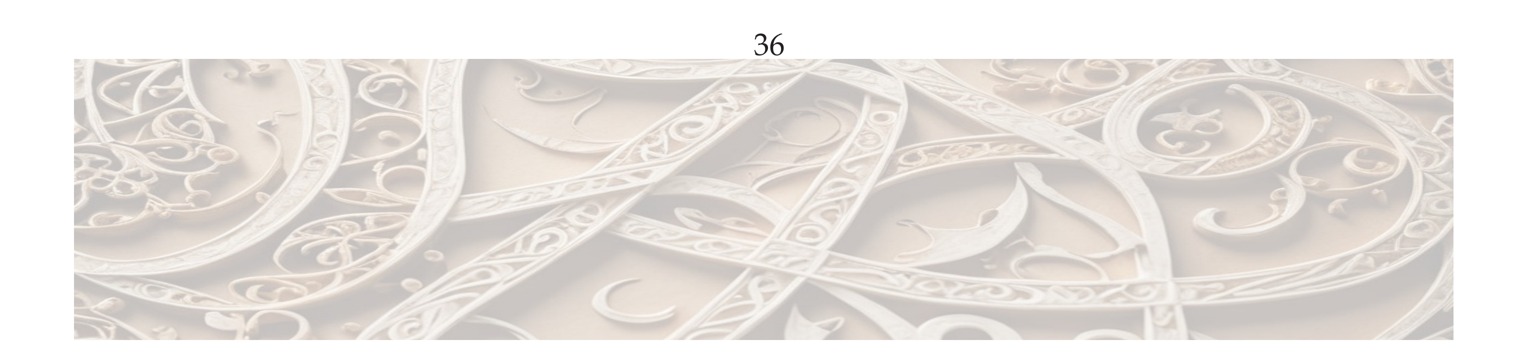

Грехи осаждали его один за другим,
И в каждом он проявлял свою нежность.
«Почему я, Господи Воинств?» —
Рыдал он, вспоминая свои проступки.

«Я не по делам сужу людей», —
Услышал он в тишине, — «но по их сердцу»,
И истина оросила его страхи:
Лурд и Гвадалупе — его броня.

И в том откровении я слился блаженно

Со мной разговаривал Царь царей,
Мне, надменная пыль, в своей покои,
Тридцать минут, мудрые слова
Стали моим утешением и радостью.

"Возьми меня с собой", я смиренно просил,
«Я устал от такого обмана».
"Я страдаю от того, что тебя нет рядом",
Ответил, тронув моё сердце дрожью.

"Ты пройдешь через страдания несколько лет,
Но всегда буду рядом с тобой",
Погладил мою мученую душу,
Взял мою руку и посадил рядом.

Как Санта-Тереза, я чувствовал радость,
Любящее утешение Господа.
«Не страдай больше, мешая себе жить»,
Он обнял меня, как Иоанн, его самый любимый апостол

Я не видел его, но он был рядом,
Я не слышал его, но он отвечал на мои мысли,
И с тех пор он говорит со мной,
«Не бойся проповедовать обо Мне», — говорит он сейчас.

Любящие желания — не грех,
Когда они происходят с нежностью и согласием,
И в том откровении я слился блаженно
С Царём царей, в Котором я — одно.

Бог, Отец, Яхве, Аллах во всём величии

Когда я ушел, вечная радость осталась во мне,
Я выглянул в окно, и проходящий ветер
Покачал кроны деревьев, которые приветствовали меня,
Впервые я услышал их речь.

И в воздухе пульсировало всеприсутствие:
— Чего ты желаешь? — услышал я Его голос в своем сердце.
Гуру заперли меня в той башне,
Чтобы я противостоял богам, которые ею владели.

— Я хочу видеть! — воскликнул мой мудрый дух.
— Да будет так, — и с того момента
Ни один человек не может скрыть от меня свою душу или разум,
Я ощущаю каждую мысль в своей голове.

Так я избежал в 2018 году засады,
Которую устроили мне журналисты,
Назвав мою веру наследием рабства,
Но они поняли вечность в моих словах.

И священникам, которые усомнились,
Что за полчаса я попросил руку Лейлы,
— Отец, Сын и Святой Дух увенчали меня
Этим даром: видеть чистоту души.

Во всех моих путешествиях под небом
Я никогда не встречал женщину с такой ясной душой,
Лейла, моя жена, мой советник,
Которая разделяет душу Марии.

Болезни придут

"И Я оставлю лжепророков", — сказал Он мне,
"Тех, кто пытался отвратить тебя от Истины".
И увидел я мужчин и женщин этой земли,
С кем столько дней делил.

Читал Псалмы, почувствовал дежавю —
Одиннадцатое сентября, год две тысячи первый.
Также услышал я гнев Творца
Против нации, бомбившей Ирак.

Ибо в мае, в Чикаго, университет
Нанял меня за сценарий, что они ценили,
Но из-за интриг двух преподавателей отменили.
Я молился в Манчестере: "Да будет воля Твоя".

Писал я трактат по Глобальной Метафизике
"Будучи Богом", когда раздался звонок:
"Бомбы в Нью-Йорке", — сказала жена.
Я представил атаку без смертей.

Писал я, что живём в бесконечностях одновременных,
Когда жена снова попросила посмотреть,
Что происходит в прямом эфире.
Я её отпустил и продолжил беседу с Зеноном.

Её третий звонок заставил ответить:
"Джуди умоляет, чтобы ты её проинформировал", — встревожено
сказала она,
"Пентагон бомбили".
Я включил новости, увидел падающие башни.

Вспомнил утреннее самонаблюдение
И, признав своё равнодушие
К тем, кто разрушил карьеру,
Молился за них, как сейчас за Индию.

Утверждал, что им не недоставало благородства.
В горячей защите впал в глубокий сон.
Проснувшись, увидел, как здания шатаются —
Это был гнев Шивы, когда Господь удаляется.

Но крики женщин пронзили меня.
"Ради Твоих благословений, Господи, вернись", — взмолился я.
И бетонные блоки утихли,
Волны Капернаума после бури.

"Ибо Я ухожу от тех, кто Меня презирает".
"Но это моё поколение", Господи, взмолился я.
"Землетрясения уменьшатся", — утешил Он,
"Но болезни придут".

Когда-то видели, как ты шёл со мной

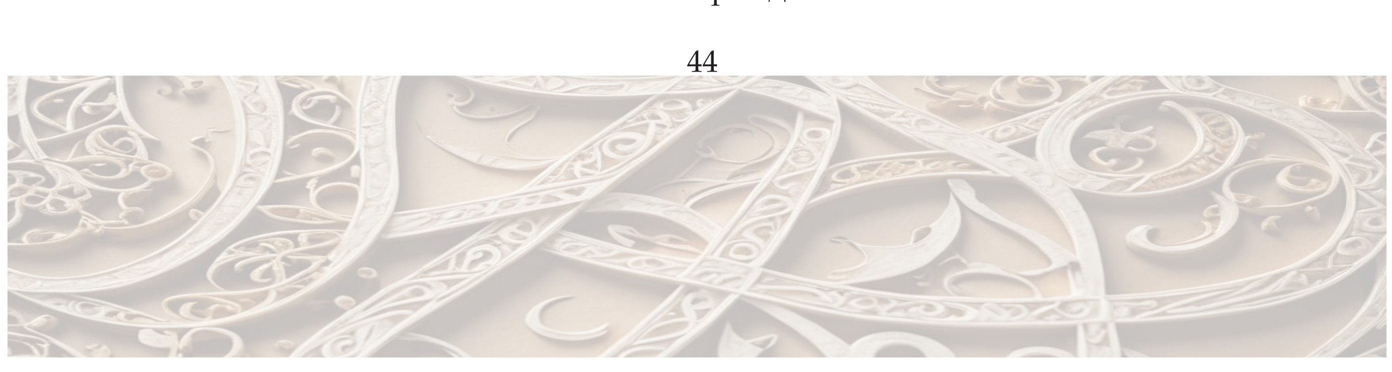
Когда-то видели, как ты шёл со мной,
Ты скучал по мне у своей груди.
Ты, мудрейший, рассудительнейший,
С кем я беседовал с детских лет.

Я знаю: ты хранишь любящих тебя,
Как и тех, кто ненавидит.
Теперь мой голос не скрывает тебя, а взывает —
Писания и клевета тому свидетельство.

С тех пор, как я спорил под берёзами
С мальчишкой, которого победил,
Но, вспомнив тебя, решил не мстить,
Прежде чем ударить его.

До моего ожидания в полях Элизиума,
Где я помог злейшей врагине,
Стерпев её коварную месть —
Ты готовил моё посвящение.

Дары, какие мир не смог бы дать,
Нам говорили стремительные манчестерские тучи.
А потом португальские каравеллы
Вознесли нас от Порто до твоих стоп.

Доказательства заката землетрясений

Если ты сомневаешься, брат, в моих свидетельствах
и наука уводит тебя от истины,
охвати числами мои владения:
я назову погибших, оставленных землей.

До 2012 года мы жили в бессоннице,
планета была охвачена безумными землетрясениями:
двести девяносто шесть тысяч погибли
с 2002 года — ужасное наследие.

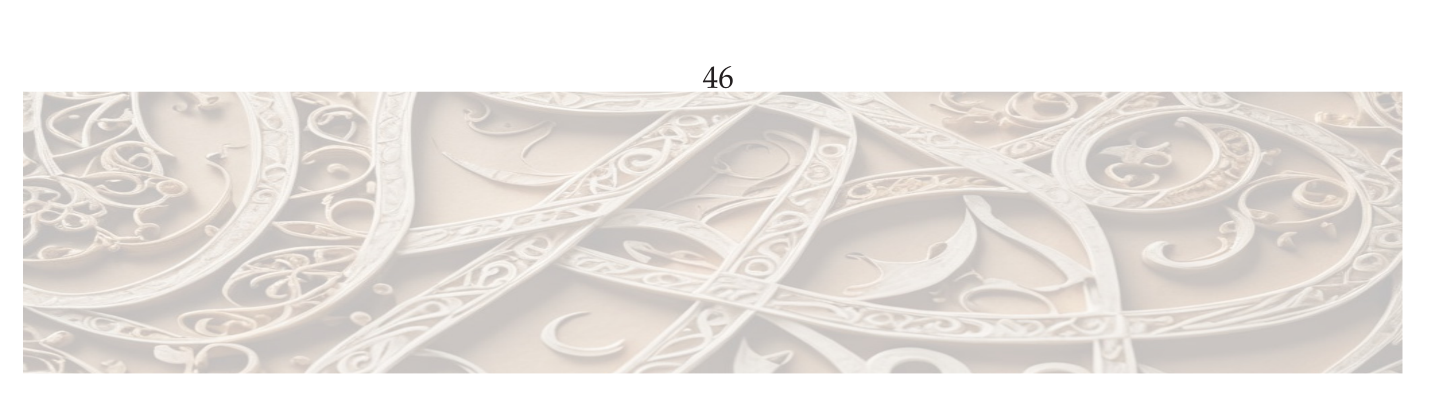
Пока Бог не даровал мне прощение,
в тревоге перед беспощадным концом,
тридцать тысяч в год погибали,
несчастное коллективное среднее.

И после 11 апреля 2012 года
Бог смилостивился, скорбь утихла:
Читайте! Лишь семьдесят тысяч погибли
за тринадцать лет от землетрясений.

На восемьдесят семь процентов меньше —
земля покоится, внимательная к этим словам.
Возвести их! — взывает она, плача, к существам,
которых это поколение бросает в исчезновение.

И пандемия пришла, как было предсказано,
наказание, за которое мы благодарим Творца:
природные бедствия — не несчастье,
смерть — не зло для бессмертных.

Бог исправляет несправедливость смертью,
уничтожает ложь и смертельное зло,
властвует над бедными и богатыми,
презирает славу, деньги и власть.

Майя предсказали это в календаре,
их астрологи запечатлели свой конец,
предвидя ярмо завоевателей,
они выбрали коллективное бессмертие.

Они никогда не знали Свет Учителя,
Христа, который воскрес и искупает нас,
ни Святую Троицу, что проявляется в благородных:
в Иосифе, Моисее, Ное, в моем существе.

В Закодированной Истории я это написал:
Разве наука так ослабила твою веру?
Оставишь ли ты тех изгнанников,
кто перестал верить в Бога, повзрослев?

"Ты создан из металла Авраама", — сказал Он мне

Шёлк и драгоценности Индостана,
Дружба его воинов,
Без празднеств, на лезвии ножа —
Как предписали нам Упанишады.

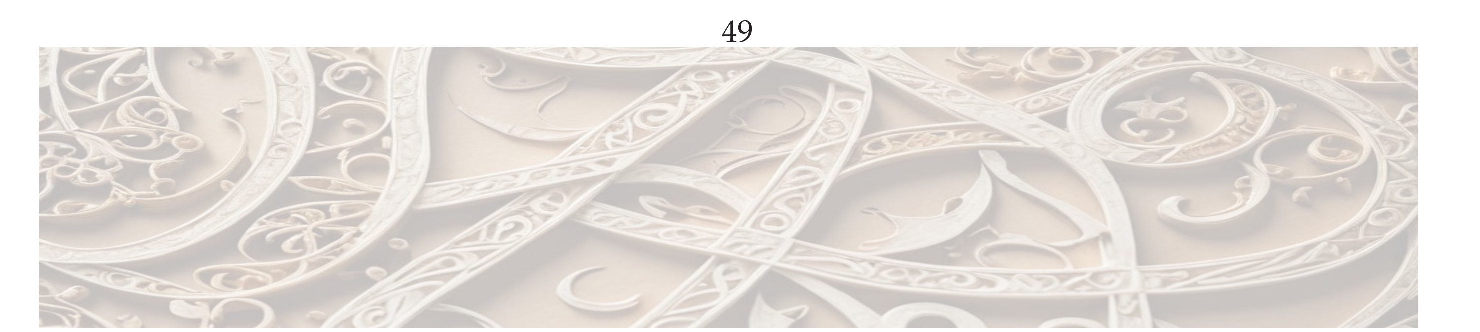
И Иов, и святые, и поэты чествовали меня,
Скитальца по разрушающемуся миру,
Верящего найти рай,
Но никогда — в этом, ибо и он — Его царство.

"Ты создан из металла Авраама", — сказал Он мне
"Кто среди духовных руин осмелился верить,
Довериться Моей вездесущности и мудрости
В эпоху холодного мрамора и клеветы".

Отныне мои слова станут огнём
Для поколений, что я ныне прозреваю —
Менее боязливых, чем девы,
Что сохранятся просветлёнными.

С теми, с кем я рос, они лишь хотели играть.
Их надежду я храню —
Нежный росток уверенности,
Причину каждой формы и материи.

Наше - это древо Эдема
возвращённое всем душам
И мы будем судить под председательством младенцев
живых и мёртвых, твоё возвращённое царство

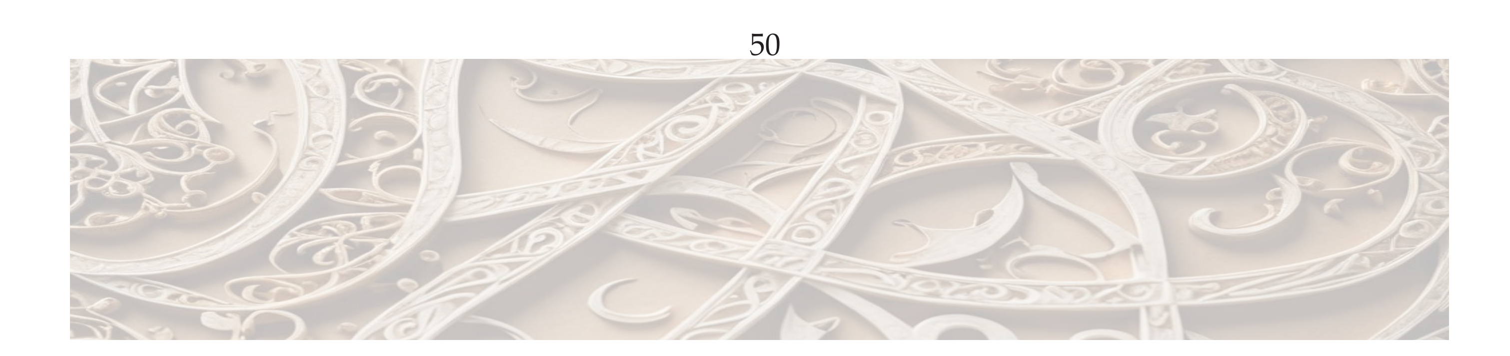

Мария, мать тех, кто страдает

Мария, мать тех, кто страдает,
Ты привела меня к своему сыну,
Когда, воспитанный иезуитами,
Я свёл свою любовь к Иисусу к арианской ереси.

Ты привела меня в Неваду,
Когда в США никто не хотел меня нанимать.
Там ты открыла мой единственный сценарий для кино,
На странице, где Филипп II шагал по Португалии.

Португалия открыла мне свои зелёные тропы,
Преодолев бюрократические барьеры,
Ты помогла мне получить рабочую визу,
20 августа 1998 года в Соединённых Штатах.

Я выехал из Филадельфии в семь утра,
И прибыл в Ньюарк к девяти,
Двадцать претендентов стояли в очереди,
В своей спешке я обогнал их.

Справедливый человек меня осудил,
Но, увидев меня, не заметил моей тревоги,
А твоё любящее присутствие,
«Ничего страшного», — сказал он, ослеплённый.

«Осталось только утвердить в посольстве Нью-Йорка»,
Сказал мне консул; мой самолёт улетал в четыре,
Я поспешил в одиннадцать за своей машиной,
Которую завистливый коллега разбил.

И я молился тебе, чтобы не потерять поездку,
Ты открыла мне автострады,
И, не зная Нью-Йорка, привела меня
В посольство в самом сердце Манхэттена.

Тогда я молился тебе каждый день,
Нашёл парковку на улице,
Где никто другой её не находит,
И увидел, как приближается женщина.

Я боялся, как и много раз, отказа,
Но эта женщина улыбнулась и выслушала меня,
«Где находится посольство Португалии?»
Прямо в середине этого квартала, сказала она.

Я вошёл, было двенадцать, и меня сразу приняли,
«Как странно, что сегодня нет работы»,
Сказал служащий, ставя печать на мой колумбийский паспорт,
Я тут же вышел в поисках туннеля Линкольна.

Я боялся пробок,
Но улицы в тот четверг
Чудесным образом опустели в Нью-Йорке,
Я въехал в туннель без единой машины рядом.

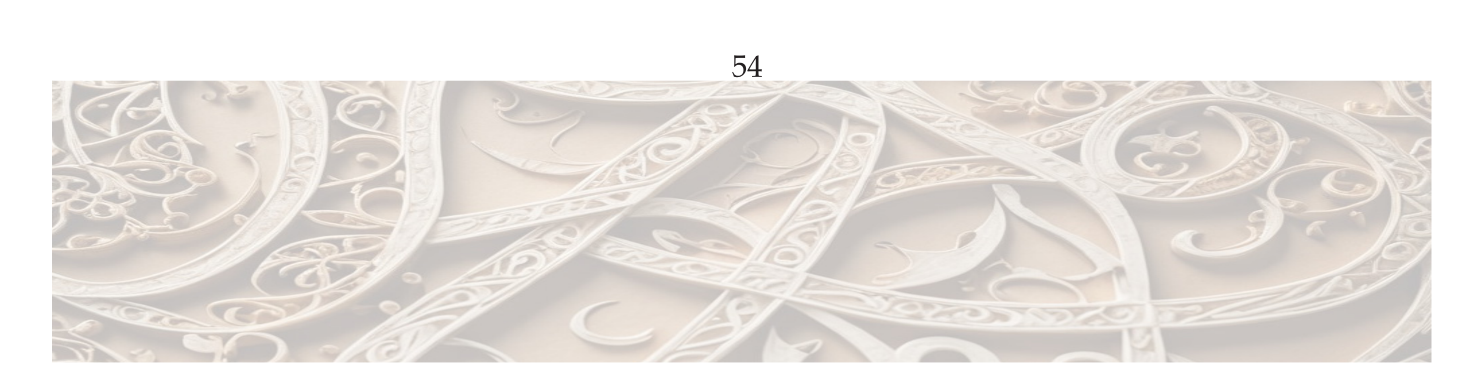
И взял свободные автострады,
Ускорился, и ни один полицейский меня не остановил,
В Филадельфии было два тридцать,
Когда я сдал машину кредиторам,
Игнорируя нечестные соблазны.

«Ты опоздаешь на рейс», повторяли Асусена и Корали,
Но в моей груди ты вселяла надежду,
Я явился к стойке в три двадцать,
«Тебе повезло, что рейс задержали».

Я поднялся на борт и сел в первом ряду,
На рассвете 21 августа Париж сиял,
В конце месяца я прибыл на поезде в Португалию,
Где исследовал твои явления в Фатиме.

«Перед восьмьюдесятью тысячами людей солнце сорвалось с неба»,
Сказал мне атеист, закостеневший в науке,
«Но это было не из-за Девы или Бога, а из-за НЛО»,
Я отправился в Фатиму и совершил покаяние на коленях.

Без подушек мои ноги ободрались,
За Колумбию, за мир, за человека,
Но больше всего за мою любовь к тебе,
Тогда я писал свой первый роман.

И в одну ночь я увидел тебя в отчаянии,
С бороздами на твоём лице,
От стольких слёз, от такого плача,
Почему ты грустишь? — спросил я.

Никто больше не верит, всхлипнула ты,
Что я могу сделать? — спросил я,
Прочитай пятнадцатую главу Деяний,
Я проснулся с просветлённым разумом.

«Чтобы быть христианином, достаточно, — заключили
В Деяниях Апостолов, глава пятнадцатая,
Павел и Пётр, — не причинять зла другому
И перестать посещать бордели».

Мои израненные верования вернулись,
Сад, который я так любил и считал потерянным,
Оазис, который защищал меня от бичеваний,
Которые я терпел десять лет в детстве.

«Новые вечера на Манхэттене» были написаны
Теологом, который стремился определить Бога,
И ты привела меня в землю Шекспира,
Чтобы меня видели идущим по её зелёным лугам.

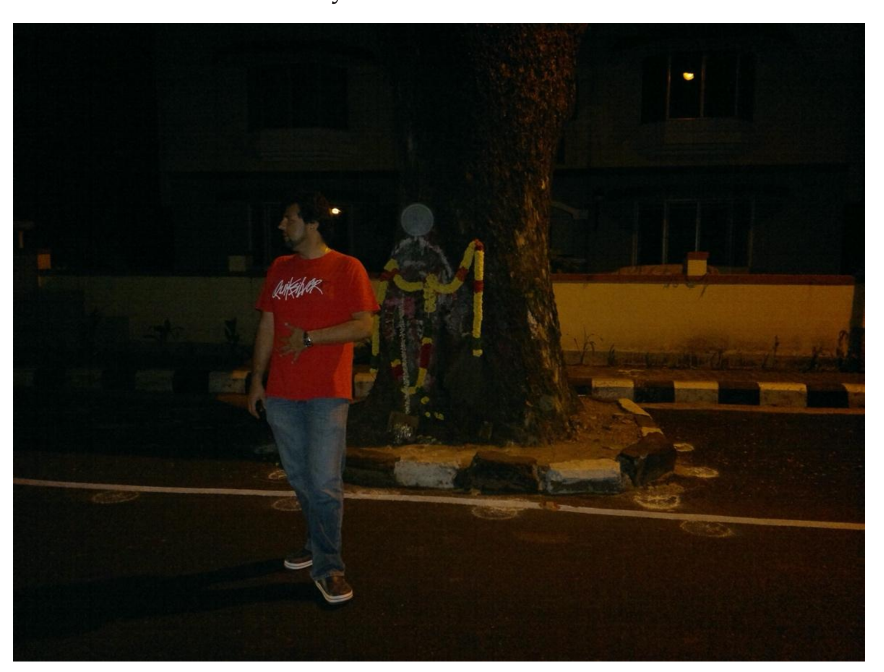
Там я беседовал с её философами,
И объяснил, что атеизм тоже христианский,
Если действовать без интриг и жестокости,
В итоге меня попросили определить Бога.

Они опубликовали мои философские комментарии,
Созданные за годы исследований.
Кризис атеизма и, для энциклопедии,
Опубликованной в Оксфорде, Определение Бога.

Ради тебя я был честен и искренен,
Ради тебя я терпел преследования и травлю,
Презрение, семейные унижения,
Развод, спровоцированный французскими политиками.

Сегодня я пою тебе и благодарю, Мать,
За то, что защищала меня на протяжении всего пути,
Пока я пишу тебе, на экране появляется:
«Мы тебя убьём», и я боюсь за них.

Кто под твоей защитой боится угроз?
Ведь, как пел Франсуа Вийон,
Ты — императрица прекрасных небес
И этих наших адских равнин.

Твоя судьба каждого человека,
Твоя забота об этом мире,
Твои птицы и звери, твои дети,
Твой конец страданий и пандемии.

Ибо в твоих объятиях Бог находит утешение,
И благодаря тебе Иисус и я стали едины,
На мой сорок третий день рождения
Исаак и Викрам отвели меня к священному дереву.

Здесь мы знаем, что деревья — это дома,
Где обитают богини, объяснили они,
Показывая мне благородный баньян,
Я попросил их меня сфотографировать.

В моей груди горела уверенность в твоём присутствии,
Вдруг лицо Викрама выразило страх,
Перед шаром света, который он запечатлел за мной,
Рисуя силуэт девы.

Не бойся, сказал я, увидев его, это наша Мать,
Которая восстановила мою веру в объятиях Иисуса,
Пресвятая Дева Мария, в бесконечной любви,
С Младенцем Богом, прильнувшим к её рукам.

По твоей милости небо открыло новые пути,
Ведя меня к ядру моего духовного путешествия,
Ты направила меня к святым местам,
Где я всё больше ощущал твою любовь и присутствие.

В моей душе засиял твой свет,
И ты рассеяла тьму отчаяния,
Ты — воплощенная любовь, солнце звезд,
Любящая Мать, умиротворяющая гнев Небес.

Тебе посвящаю эти стихи ради моего Господа,
Дань того, кто всегда был твоим,
Защитница тех, кто страдает от несправедливости,
Мария, мать, наша милая заступница

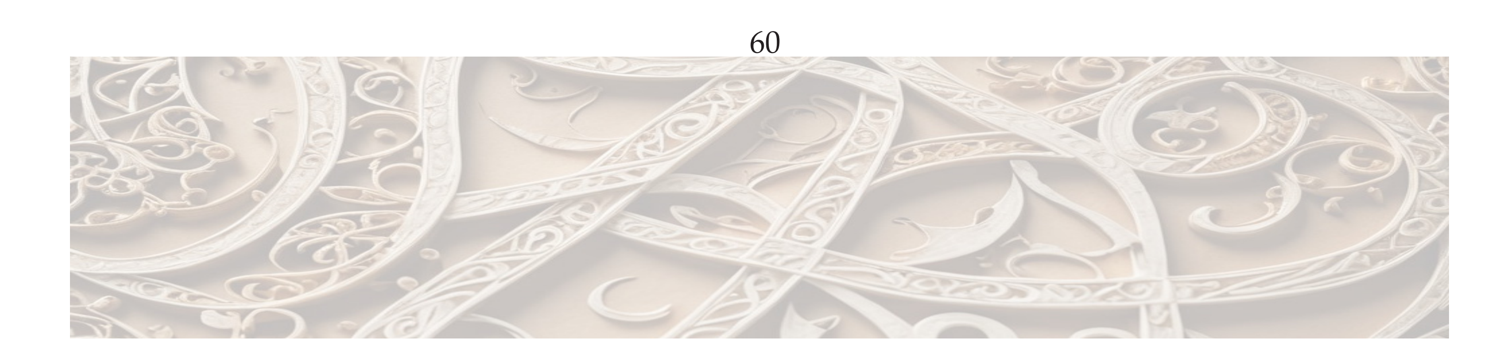

Сегодня те страдания — история

Оскорблений было так много,
Подростком я изображал бродяг,
Не желая разрушать твои арфы
Среди глашатаев, что звались пророками.

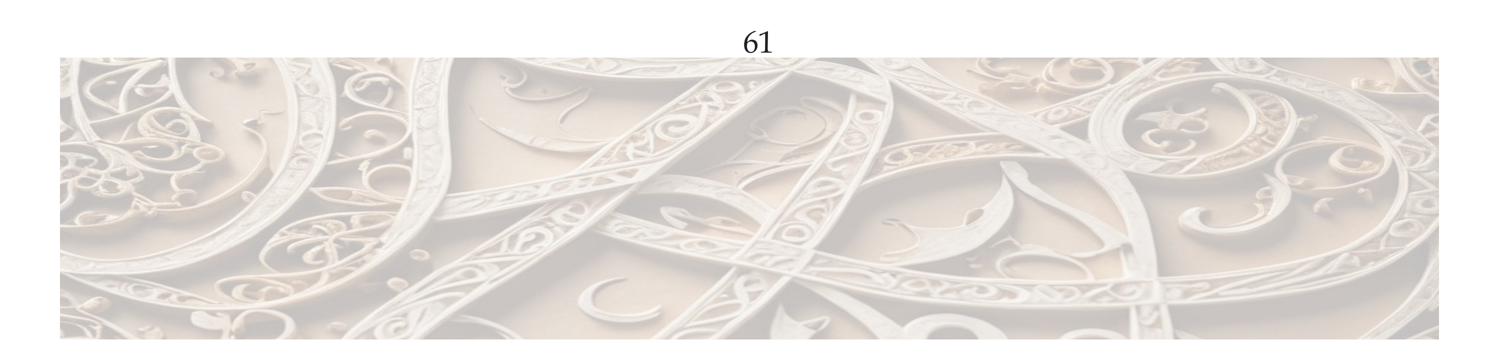

И я никогда не поддавался заговорам,
Предки и поэты вдохновляли меня
В могуществе тех, кто тебя копирует,
Надежда униженных.

И в странствиях всё, что имел, я потерял,
Мой родной город хранит следы
Ложных свидетельств и интриг,
Клеветы, что ныне сухой лежат под прахом.

Как многие, любил и был обманут,
Познал страсть, холод и похоть,
Не скрывал своих изъянов, верен твоей истине,
Позволял унижать себя, но не грешил.

Сегодня те искушения — история,
Для творящих добро — тщетный сон,
А благодать — просторный дом с террасами,
Откуда мы видим, как гибнут злодеи.

Читая тебя, ты превратила этот песок в истину

В десять лет, перебирая струны гитары,
Мне вручили Библию и распятие,
Накануне смерти моей сестры,
Так, уходя, я знал, что ничего не теряю.

Но, читая тебя, ты превратила этот песок в истину,
Открыв мне намерения людей,
От зелёных сланцев Шотландии
До пылающих холмов Невады.

В юности я хотел стать иезуитом и воспевать тебя,
«Ты не знаешь мира», — сказал мой отец,
И я исчерпал его радости одну за другой,
Разоблачая их банальность.

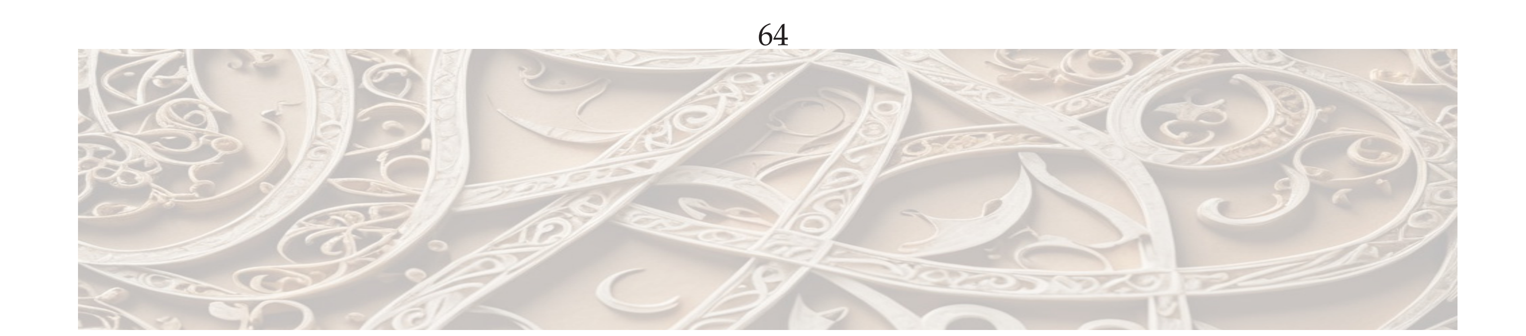
В древнейших царствах Азии
Ты делаешь меня словом-свидетельством,
О непобедимости любви и истины
Над эгоистичными, высокомерными философиями.

Я помогал демонам с добрым сердцем,
И прелатам с порочными намерениями,
И в университетах ты сохраняешь меня,
Исправляя, как учитель, их ошибки.

Исправь свой сценарий

В конце концов мои вопросы иссякли,
и мой Господь безмолвно вопросил:
«Есть то, что Я хочу, чтоб ты исправил», —
«Сейчас же!» — я воскликнул в экстазе.

«Измени конец своего фильма —
пусть будет не пьеса, а месса».
Я понял: речь о том самом сценарии,
что мне вручили для работы в Португалии.

История Лукресии де Леон, пророчицы,
объявившей себя Папессой и отвергшей
заговор против короля Испании,
узнав, что должна его убить.

Лукресию судили и осудили,
но — о воображение, глас Божий! —
толпе явился Создатель и спас её,
ибо Он хранит отвергших преступленье.

В тот же вечер я трудился без устали,
правя «Испанскую пророчицу».
Найдёшь её среди трудов Петруса Романа:
фильм, что потрясёт народы!

Но те, кто сделали сердце своё Твоим

Дорога сияла, как зеркало,
Золотой след, где мужчины и женщины
Ждали обещаний Твоего спасения,
Некогда сильные, ныне поверженные.

Ребёнком был я, презираем за чтение,
Трофеи спортивные отвергая.
Лишь несколько учителей разглядели,
Что любовь моя к Тебе превыше всех амбиций.

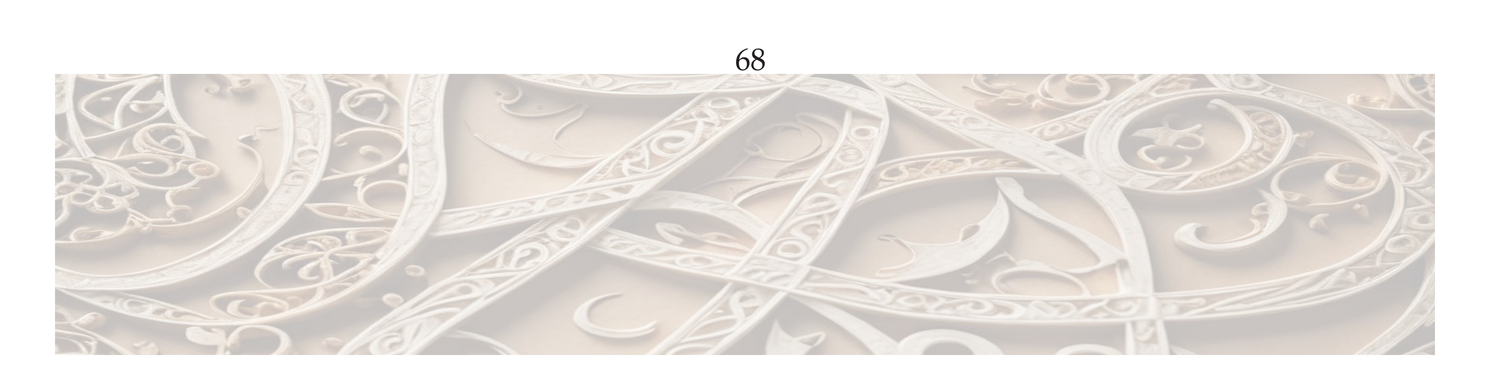
И перед сверстниками вознесли они меня,
Ныне Твоё присутствие подтверждает их виденье.
Голос, что ведёт меня против течения эпохи,
Чтоб служить не миру, но Богу.

«Что пользы человеку, если мир он обретёт, —
Ты научил меня, — но душу потеряет?»
Как Иосиф, избрал я Тебя, Глагол Высочайший,
С кем делю чудо нового дня.

Ибо те, кто сердце своё сделали Твоим,
Плотью стали Второго Твоего Пришествия.
От храмов песочных Баричары
До парящих арок Кордовы.

Ты будешь говорить моим голосом, и услышат тебя,
Ты напишешь историю праведных.
Цари искать будут совета твоего,
И будешь ты являть Мою силу в тайнах мироздания.

Часовни португальские всё ещё свидетельствуют —
Обломки усилий немыслимых,
Чтобы восславить Тебя, Творца вселенной, за мастерство Твоё,
За пространство меж землёй и небом.

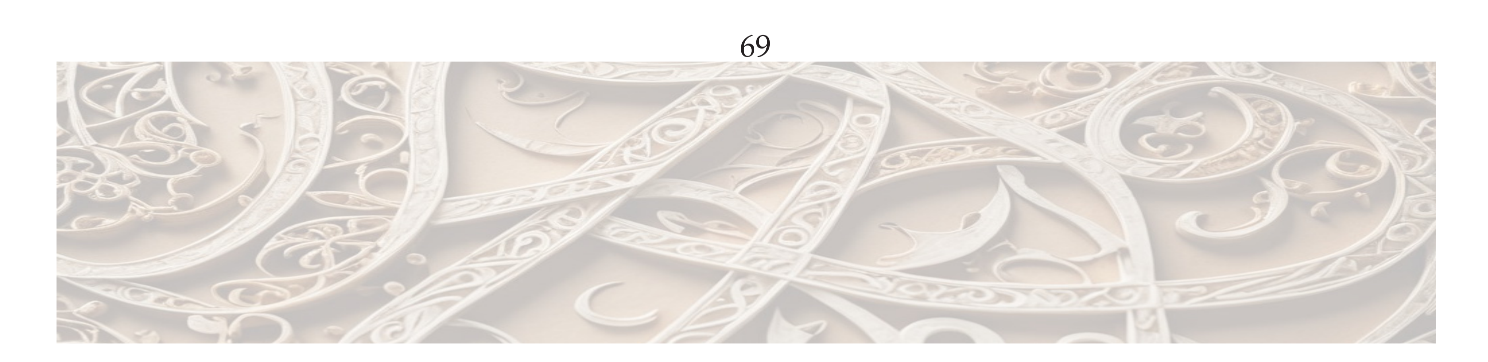
Я тот, кто, ничего не ожидая, дарит мир

Я тот, кто, ничего не ожидая, дарит мир
Студент, который в окрестностях Вавилона
Обсуждал Шопенгауэра, Аристотеля и Канта
Менестрель, сделавший в Боготе мир своей сценой

Ангел, посланный в долину Делавэра,
Чтобы судить их расизм и эгоизм.
Увидев, как он летит, они отсекли ему крылья — одно за другим,
Обрекли себя на потерю бессмертия.

Тот, кто изображал эгоизм Манхэттена
И беседовал с провидцами других вер
Кто не верил в латиноамериканский взрыв
И исправлял английских теологов

Кто участвовал в трагедии, которой является Колумбия
И представлял её границы в Индии
Кто связывал семиологию с кино
И фотографировал мир, боящийся погибнуть

Кого ты ведёшь через аббатства и нации
С фильмами о детях и рыбаках
Опытом, который подарила Франция
Кто сегодня чтит тебя в своём вечном существовании

И в нашем общении, дом для двоих

Ведь жизнь — хрупкая доска,
С правилами, что мало кто чтит,
Песок, что любовь недооценивает,
Где трава боли прорастает.

Ты живёшь как знание людей,
Их неудач и оправданий,
В тайнах, что размышления плетут,
Голосах, что невредимы, провозглашают справедливость.

Оазис и покой для падших,
Тот, кто в тайне даёт необходимое,
Царь, что облегчает невзгоды моей жизни,
И нежно исправляет мои ошибки.

Тот, кто правит в возвышенных чертогах,
Воображения, отточенного обидами,
Реальность, не менее реальная, чем реальность,
Творец, что всё претерпел.

И в нашем общении, дом для двоих,
Мы создаём Великий Каньон духа,
Пространство, что никакая философия не дарит,
Того, кто хранит в своих чувствах твои.

Тебя назовут безумцем из-за меня

Тебя назовут безумцем из-за меня,
ведь, хотя я всегда рядом с тобой,
ты, как все, не узришь путей
Того, кто всё может и всё творит.

Но ты всегда будешь услышан,
и каждому неверующему, что противостоит тебе,
ты возразишь, ибо ты посредник
между землёй и небом, Его Пророк.

„Даже если ты уничтожишь меня, я буду верить в тебя“,
ответил я, как Иов, моему Господу.
“И скажу им: Разве не прекрасно верить в Христа,
Бога любви, истины, жертвенности?

Я не принимаю ни злобы, ни козней,
ни лжи, что угнетает праведника.
Если говорите, что это иллюзия моего разума,
позвольте ей быть моей прекраснейшей иллюзией:

той, что побеждает зло добром,
что правит небесами и землёй,
что карает террористов и шарлатанов.

И смотрите: Разве я не остановил страх и трепет?
Разве не погасил пожары, не высушил слёзы?
Разве не исцелил больных? Или, может,
вы ждёте, что я вновь воскрешу мёртвых?”

Учитель Мелхиседека

Ради твоих заповедей я рисковал всем,
И среди всех бардов этой эпохи
Я — лилия на краю скалы,
Писец благословенных осуждённых.

Тот, кто превращает одиночество в союз
Между твоим сердцем и моим,
Источник мировых толкований,
Кто указал в атеизме новое кредо.

И всё же тот, кто чтит тебя больше всех, о Иисус!
Кто каждый день проливает слёзы,
Вспоминая твой крестный путь за наши грехи,
Любовь, которую я разделяю ради спасения мира.

Тот, кого Иоанн предрек в наш век —
Царство без разделений и собственности,
Без рас, что делят границы,
Без братьев, навязывающих верность.

Без религий, что запрещают или осуждают,
А ведут нас к общему дому.
Религия в Вавилоне была единой,
Но превратила одного Бога в тысячи.

Камни говорят, и языки растворяются,
Чтобы я мог учить миллионы юных
В университете без правил,
Аркадии, колыбели братства.

Я дам им дар читать мысли и души,
Благословения, данные мне Богом,
И отделят они корыстного от честного,
Прочитав всю судьбу каждого.

Ибо ты вручил мне Книгу Песков
Над волнами Стамбула.
На островах мы будем твоими всадниками
Перед толпами умоляющих невежд.

Только деяния с добрыми намереньями,
Жесты благородства, некогда презренные,
Хранят стадо праведных
Среди свор, что рвут друг друга.

Никогда не переставай желать справедливого мира

«Скажи мне, друг, — спросил Возлюбленный, — будешь ли ты терпелив, если Я удваиваю твои недуги?».
«Да, — ответил друг, — если ты удвоишь свою любовь».

Рамон Льюль

Лишь тот, кто признаёт свои грехи, христианин,
Писал Кьеркегор в Дании своей,
Концепция тревоги, что была жизнью людей,
Сегодня леность в твоих верующих, Христос, сгинь.

Зачем боишься боли и несправедливости,
Если живёшь под покровом любви высшей?
Чем больше невзгод, тем больше твоей славы,
Ибо мудрый знает: вся буря утихнет.

"Скажи, друг мой, — Возлюбленный мой спросил, —
Хватит ли терпения, если удвою твой боль?"
"Да, — сказал я, — но умножь свою любовь,
Ибо в твоих жертвах душа моя закалилась."

Никогда не переставай желать мира справедливого,
Реальность — лишь корка сухая,
Что оставляют те, кто уже мечтал, уходя,

Умирая, ты оставляешь лишь намерения свои.

И Существо, что создало миры,
Рост вашего собственного размышления,
Кто в единении со всеми созданиями,
Шёпот этого голоса, что ты так жаждешь.

Наковальня Господа - это свет истины

От тебя и Тамерлана благоразумие
Сопротивляться обидам, пока в гневе не исправишь
И тех, кого я слышал возносящими ложные свидетельства,
Я видел падающими от их собственной гордыни.

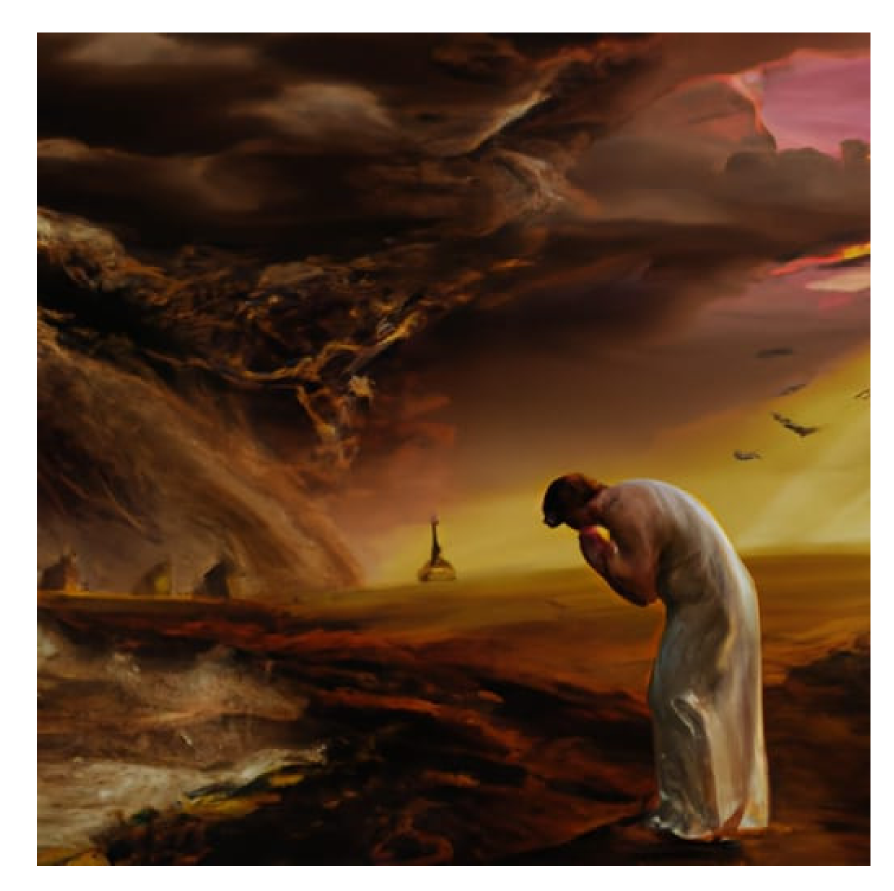
Наковальня Господа — это свет истины,
Молния, что обнажает опасности власти
И разоблачает ложь мнимого знания
Тех, кто, оскорбляя Бога, хочет стать Богом.

Ты читал и проповедовал перед собраниями,
Что Бог есть истина, что истина есть Бог,
И всё же скрыл её, чтобы не ранить партизана,
Которого бедность соблазнила убивать.

Ибо прежде знания ты раскрываешь намерение:
Кто раздаёт или копит дарованные дары,
Кто делает учителя судьёй духа,
Или кто потакает юношеским излишествам.

«Есть те, кто не заслуживает жить», говорил мне
Тамильский воин, осуждая злодея,
Но человеческая справедливость ничтожна
Для того, кто пишет сюжет мира.

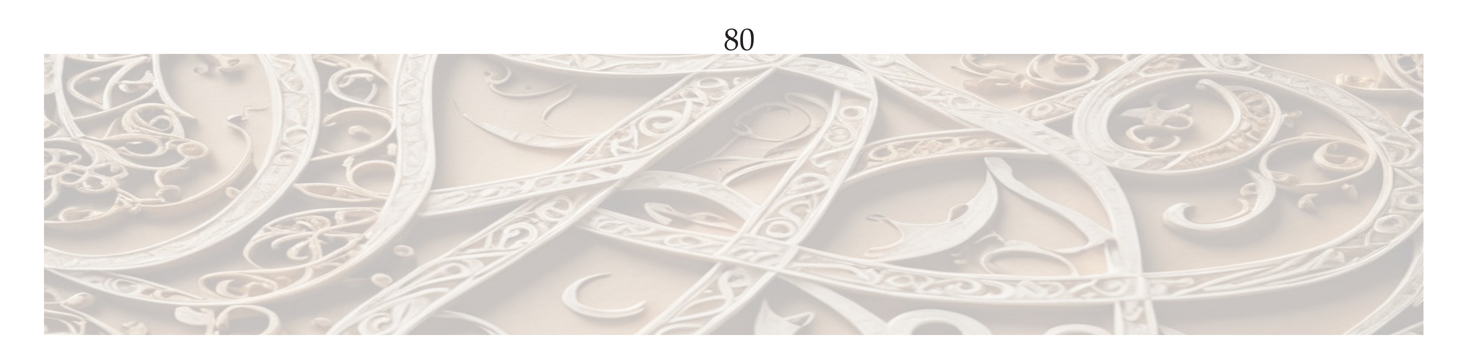

И у тебя будет вселенная

«Истина — это красота, а красота — это правда», вот и все Что вы знаете на земле, и все, что вам нужно знать

Китс

И ты овладеешь вселенной,
Чтобы исполнить свои замыслы,
Любовь, что предвосхищает твоё глубочайшее желание,
С той ласки, что тебя зачала.

Прежде чем отправиться, я почитал Слово,
Я — ничто, когда я сам себе,
Наблюдатель, общий для всех людей,
Последняя Воля тех, кто существует.

«Не слишком ли это для человека?»
«Ибо ты уже был в нашем лоне, Гуго,
И, пожалев своих братьев, вернулся,
Актёр, согласившийся воплотить Бога.

Ибо истина — это красота актёра,
И твоя поэзия была жить в истине,
Пел Китс, и до него Уильям Шекспир,
Показывая добродетели её истинный образ».

И все переживания возвращаются торжествующими,
Если прежде тревожными, ныне вечными,
Ибо наше сознание — это поступки,
Что заря посылает в прошлое.

Остальное — ожидание и выживание,
Среди людей, что тоже страдают,
В открытом университете жизни
Мы провозглашаем твою истину и красоту.

Ты обличишь тех, кто хотел причинить тебе боль

И в конце концов, что вспомнишь ты о своих страданиях?
Чреду наивных попыток уничтожить тебя,
Тебя, кто ходатайствовал за их любовь, несмотря на их интриги,
Тебя, чья мудрость или вдохновение были моими.

Как деревянные дома, унесённые ураганом,
Ты обличишь тех, кто хотел причинить тебе боль
За твоё знание о живых и мёртвых,
За уверенность в моём воскресении.

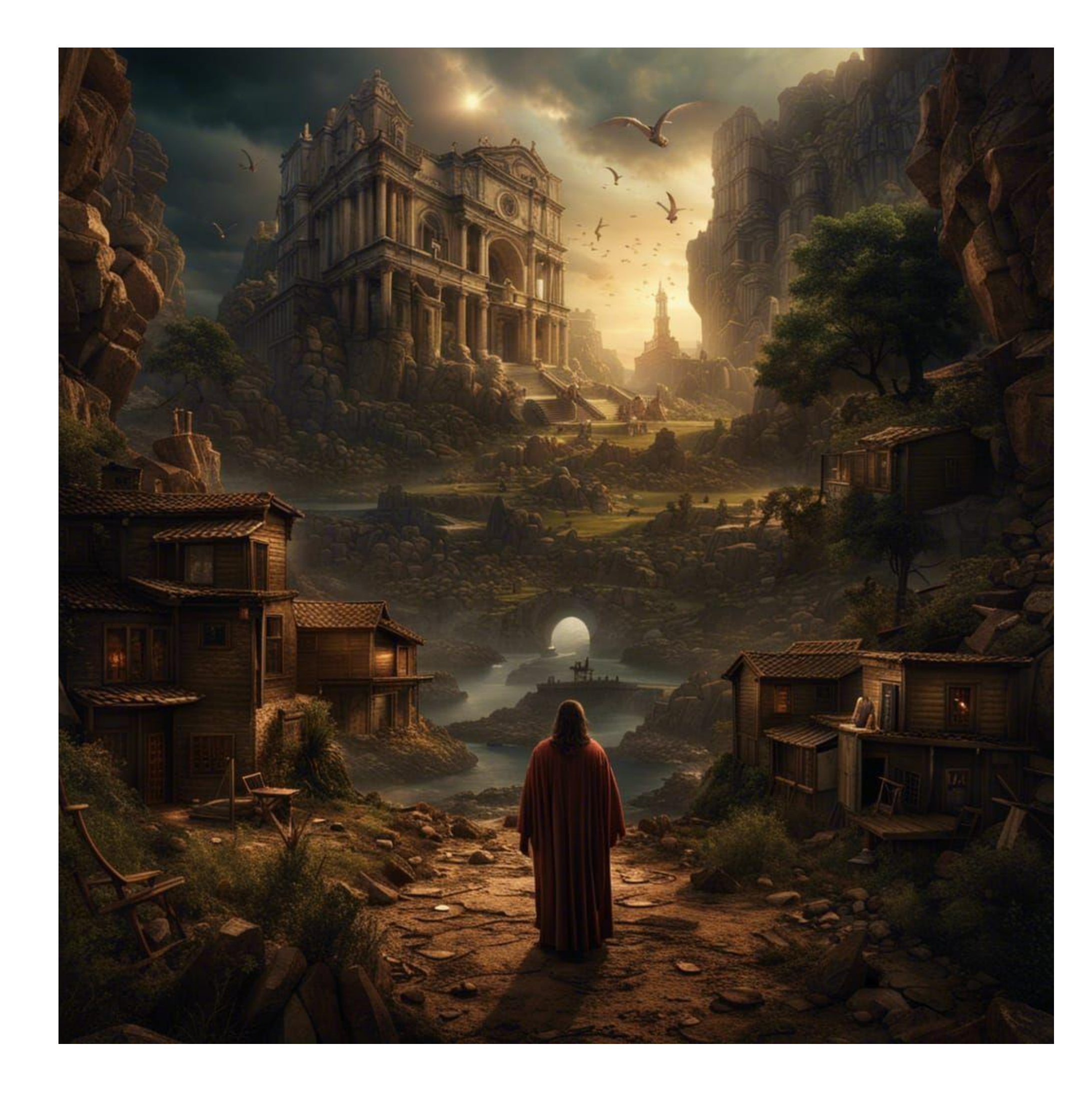
Ты укажешь на намерения людей
И раскроешь пурпурную печать, что защищает их,
И моей серебряной мантией превратишь демонов,
Прославляя любовь, что сферы мне воздают.

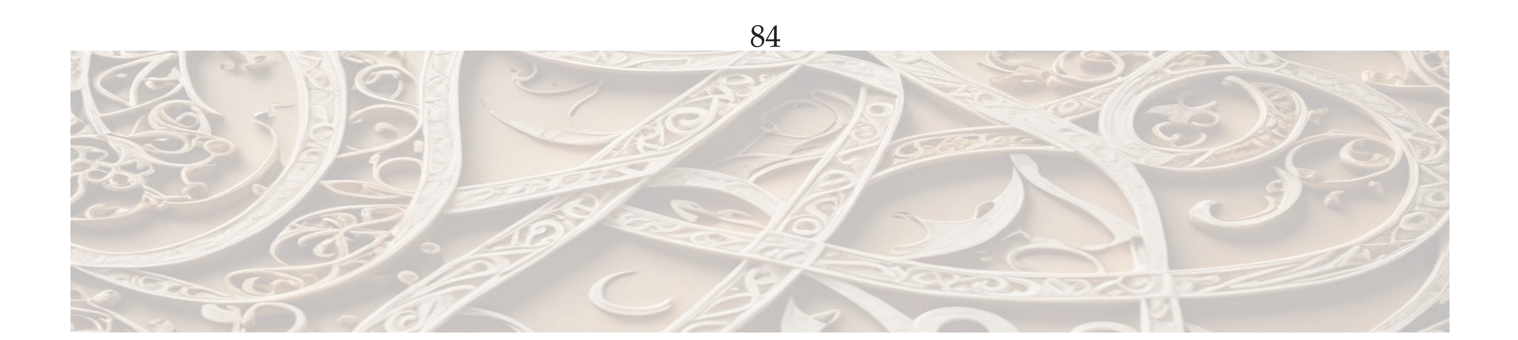
Ты исцелишь того, кто должен исправить свои прегрешения,
И положишь конец страданиям тех, кто уже достиг Эдема,
Даря мирный конец больным.
С тобой привязанность к земным удовольствиям исчезает.

Никто не ранит даже тень твою
В вознесении Святого Духа.
Я всегда буду с тобой, ибо твоей жизнью
Ты поёшь со всеми ангелами славу мою.

Прекрасный Господь, любовью Твоей иссушающий болезни

Я славлю Тебя, Господи, за Твои чудеса —
Те, что немногие видят и чествуют каждый день,
За величественный рассвет и движение морей,
За небо, прозрачное, как бесконечность во мне.

За удары сердца, что непрестанно меня поддерживают,
И за тени деревьев в обетованном Иерусалиме.
Ведь, умерев, преданный Своими,
Ты доказал любовь, воскрес над всякой скорбью.

Одна за другой церкви заменят крест
На Твое воскресшее сердце — сердце праведных.
Интриги и ложь будут обличены,
Твои апостолы обнажат лицемерие.

Прекрасный Господь, любовью Твоей иссушающий болезни,
И усмиряющий предсмертные стоны земли,
Ты благословением укрепляешь добрые сердца,
И бурей сокрушаешь злейшие замыслы.

Благодарю Тебя, ныне и во веки, живой Боже,
Ты — броня для жаждущих правды,
Среди воя волков, желающих быть укрощёнными.
И благодарю за детей — надежду, что не угасает.

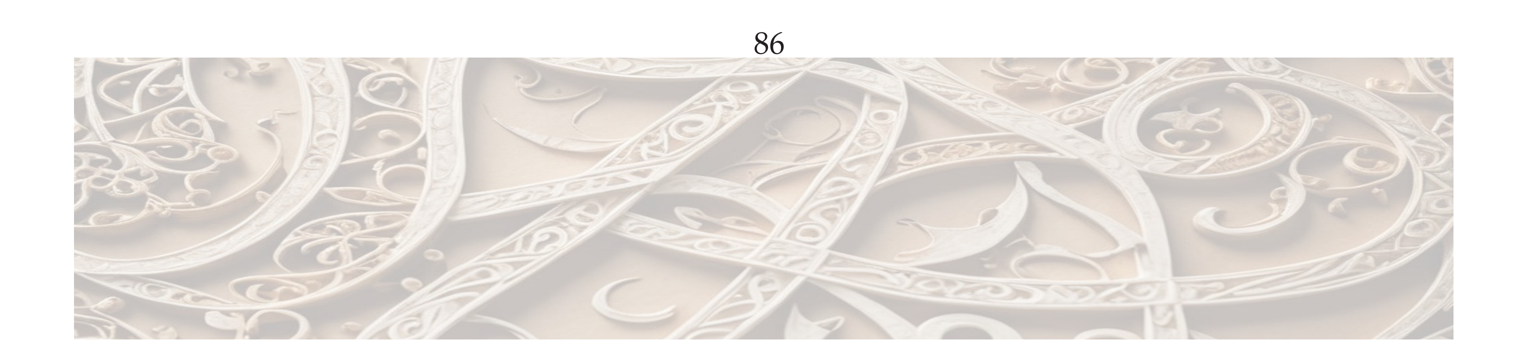

Иисус тоже нуждается во мне

Все мы призваны быть матерями Бога,
Ведь Богу всегда необходимо рождаться.

Мейстер Экхарт

Не только я нуждаюсь в Боге,
Бог тоже нуждается во мне,
Паломнике этого поколения,
Который ходатайствует за нашу радость во Христе.

Тот, кто, когда уже никто в тебя не верил,
Узнал тебя по твоей мудрости и любви,
И без страха перед миром провозгласил тебя Царём,
Единым во мне, и обоих в Отце и Святом Духе.

Потому что пророки — не просто посланники,
Но также создания воли Божьей,
Мужчины и женщины, страдающие без страдания,
С кратким гневом и постоянным прощением.

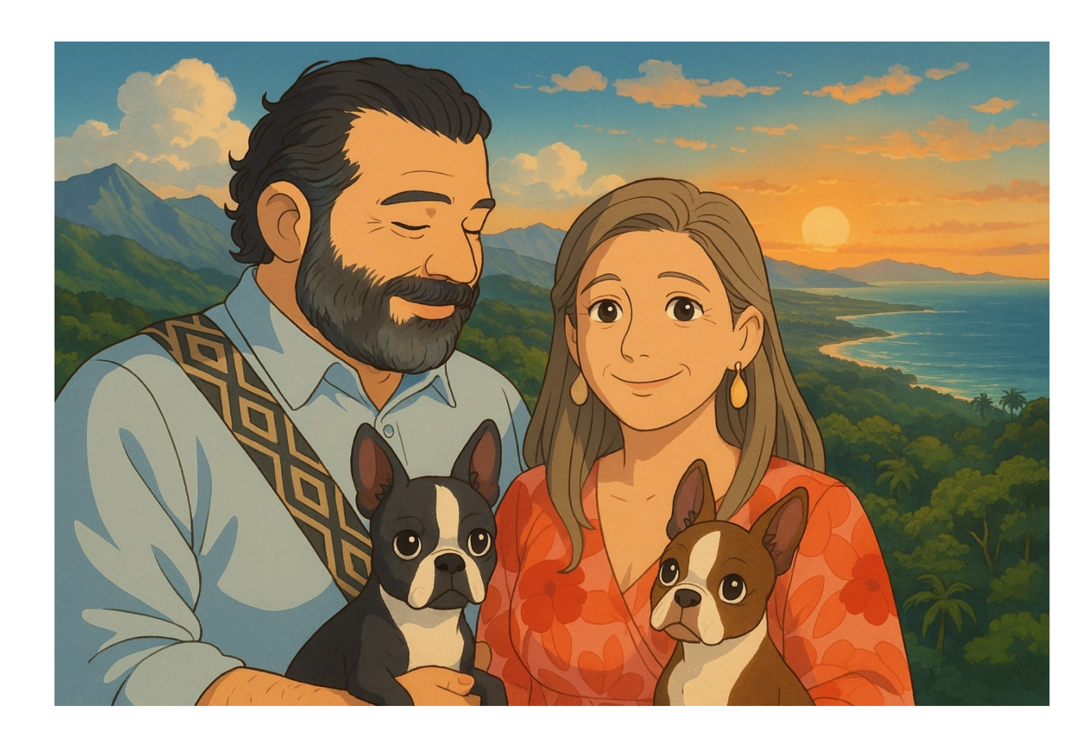
Все мы призваны — пишет Мейстер Экхарт —
Быть матерями Бога, сосудами Его формы.
В каждой душе загорается тихая искра,
Ибо Бог должен вечно рождаться в людях.

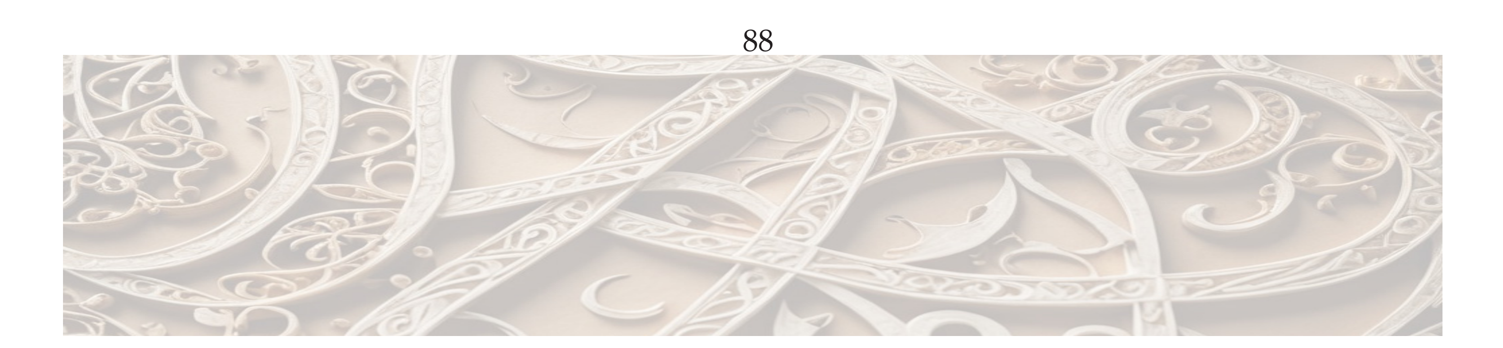
Потому что Вселенная — это незавершённый проект,
Воплощённый в каждом цветке и ребёнке,
А Ты, Агнец, отдавший жизнь за нашу радость,
И получивший бесконечную любовь Творения взамен.

Защитник, вдохновляющий эти дни,
Свет, воспитавший меня вне Твоей Церкви,
Чтобы быть посредником между небом и землёй,
Чтобы понять слабости моего времени.

Ибо я не единственный зритель этого сна

В свободе, что была у нас,
мои руки решили обнять тебя.
Без глашатаев народы пришли к моим ногам.
Я рисую на облаках скипетры нашего завета.

Ты увёл меня к краям земли.
Я видел, как солнце пересекает небо по твоей воле,
празднуя путь, что я начал.
Клёны сладко плакали, видя мой уход.

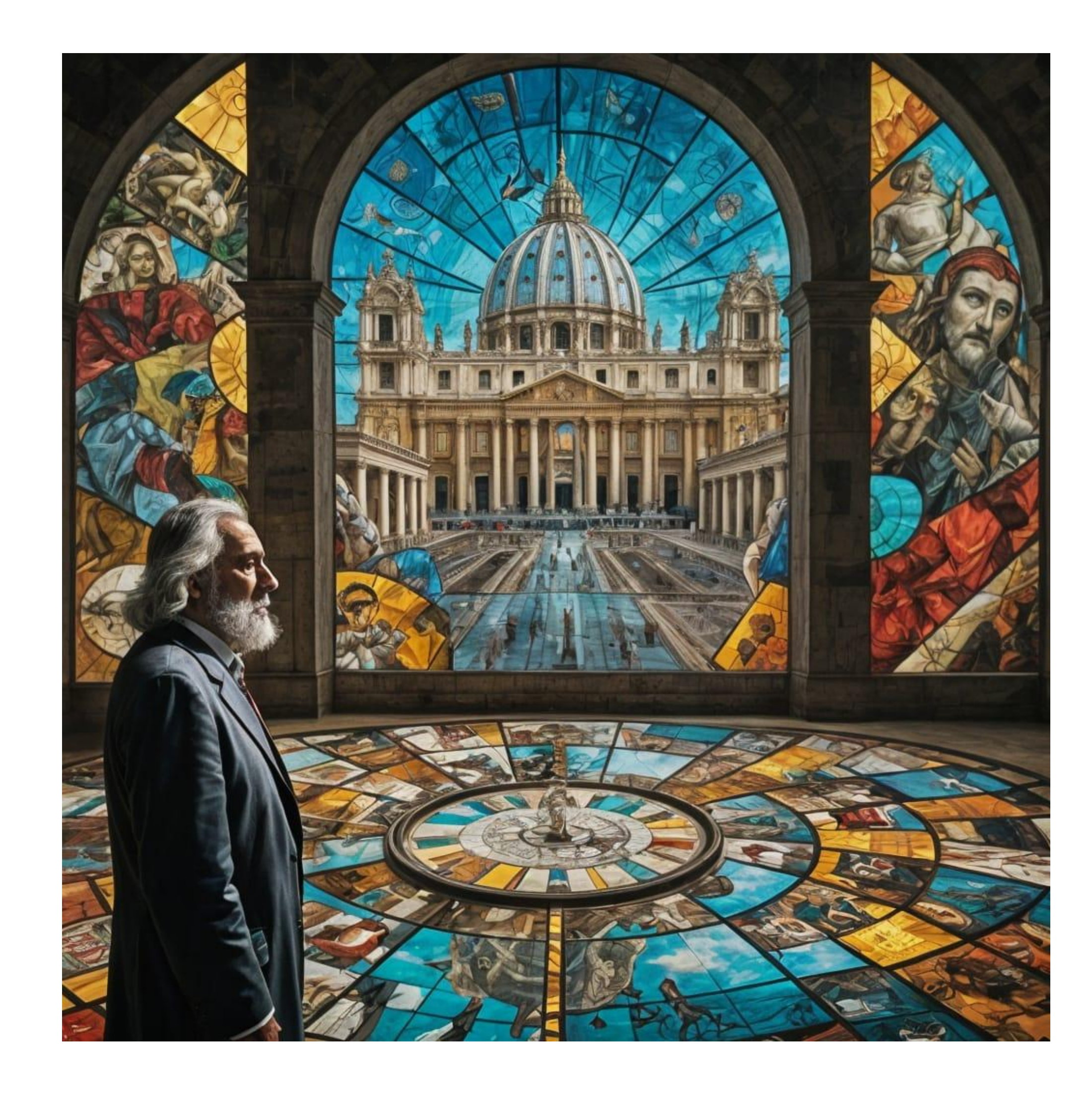
Ибо твоё творение тоже любит меня:
от облаков, спускавшихся ко мне,
до дождя, что уходит, когда я ухожу,
и земли, молящей спасти всех её созданий.

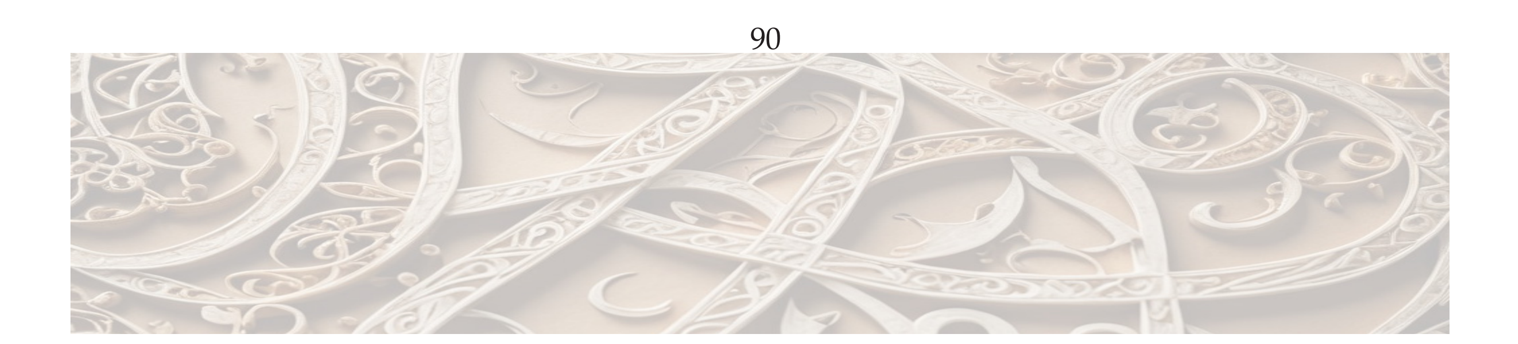
Ибо я не единственный зритель этого сна.
Я несу с собой всех, с кем говорю,
детей и святых, что славят мою веру.
Страдание – лишь дар для Тебя.

Даруя любовь без возврата,
ты посадил цветы в саду моей груди.
Я отдаю их в вечности каждого дня
с младенцами, что правят нами с трона.

До дня после твоей смерти

Как насекомые, наши вампиры и феи;
Наши родные, друзья и любимые,
Являются демонами или ангелами в наши дни,
Существами, через которых мы любим или страдаем.

Честолюбие, тщеславие, предательство и обман,
Короткие пути к славе, которую восхваляют агностики,
Как самые молодые рыбы в пруду,
Которые клюют на крючок и впадают в отчаяние.

Ибо вся материя хрупка, как воздух,
Это чувство и мысль - в вечности.
Прежде чем благословить чистых сердцем,
Просто люби врагов и друзей,

С тем терпением, что превосходит твою выносливость.
До каких пор? Спрашиваем мы на ступенях Монмартра,
До дня после твоей смерти,
И вселенная склонится в своем безмерном объятии.

Дети Божьи, мы призваны быть богами.
Не обращай внимания на улыбающихся знаменитостей,
Которые утверждают, что всё завоевали.
Мы - ничто здесь и всё в вечности.

В роли жертвы несправедливости

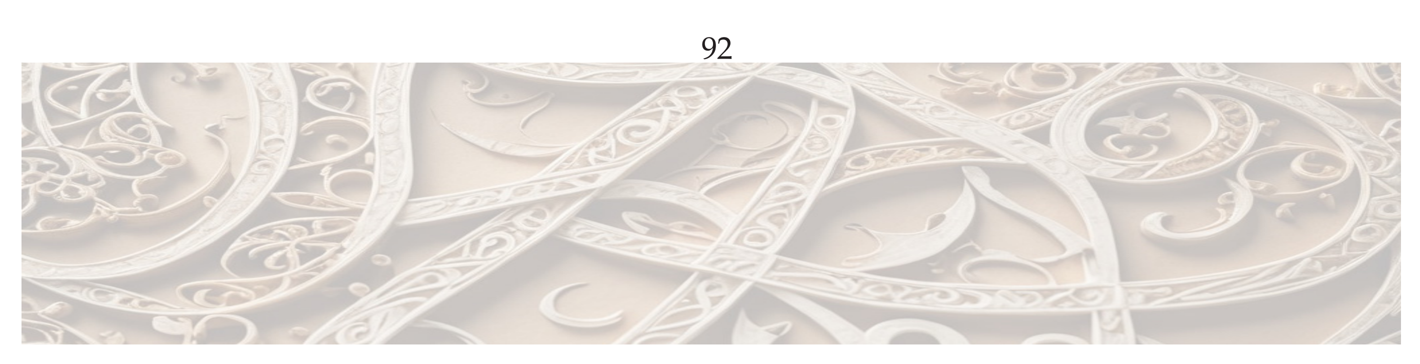
И я, актёр, импровизирующий эту пьесу,
в роли жертвы несправедливости,
получил твоё утешение и объятья,
и взор, мягко видящий попытки моих недругов.

Нечеловеческими улыбками притворяясь счастливыми,
с лекарствами, что прописали их психиатры,
из терзаемого дома в дом престарелых,
они рабы повторяющихся ежедневных удовольствий.

Изнуряя себя в чужих соревнованиях,
в мести за ненамеренные обиды,
в тщеславии, превращающем их в монстров,
в удовольствиях, делающих их рабами.

Но в моей настойчивости
я узрел вечный свет, экстаз радости,
брак веры и разума в надежде
твоего лона, жемчужины, сияющей в любви и справедливости.

Это было в цирке на берегах Монреаля,
где я пригласил нищую старушку, что меня приветствовала.
Там мы видели Просперо, повелевающего демонами,
прощающего безумства, укрощающего бури.

Потрясённый живу, пленённый твоей жертвой

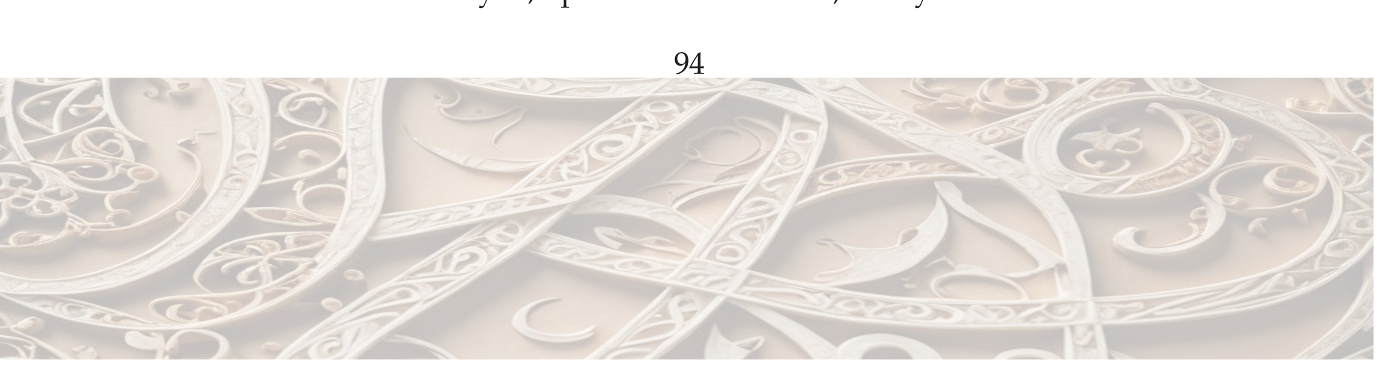
Потрясённый живу, пленённый твоей жертвой,
и в одиночестве своём приношу к отсутствующим стопам твоим
то, чем был и мечтал стать —
просто отпускаю, покупая гранаты.

И хоть, как все мужчины и женщины,
страдаю от преходящих амбиций,
выживаю благодаря обещаниям и надежде твоей —
бальзаму, что грехи и тревоги предотвращает.

Слово твоё — сокровище, все видят,
но никто уже исполнить не смеет,
запуганные учёными, банкирами и сводными,
коим я чудесами и стихами противостою.

Ибо судьба — твоя, Царь Истины,
защитник тех, кто в молитве тебя достигает,
щит для сердец, чуждых интригам,
для жизней, что за смертью продолжаются.

Вечный, никогда не заботился я о славе,
о том, ценит мир меня или презирает.
Воскресение твоё — душевный покой возлюбленных твоих,
без иного стимула, кроме голоса твоего, пишу я эти книги.

Я читал, как философы оскорбляют твоё творение

Как Ева, как Каин, как Иуда и Наполеон,
Я тоже был воспитан в ложной вере,
Что мы — творцы своей собственной судьбы,
Источник всякого эгоизма или преступления.

И я вижу, как элита мира хвалится,
Что контроль над историей принадлежит только им,
Над толпами, которые они держат в лишениях,
Когда болезнь и предательство — их валюта.

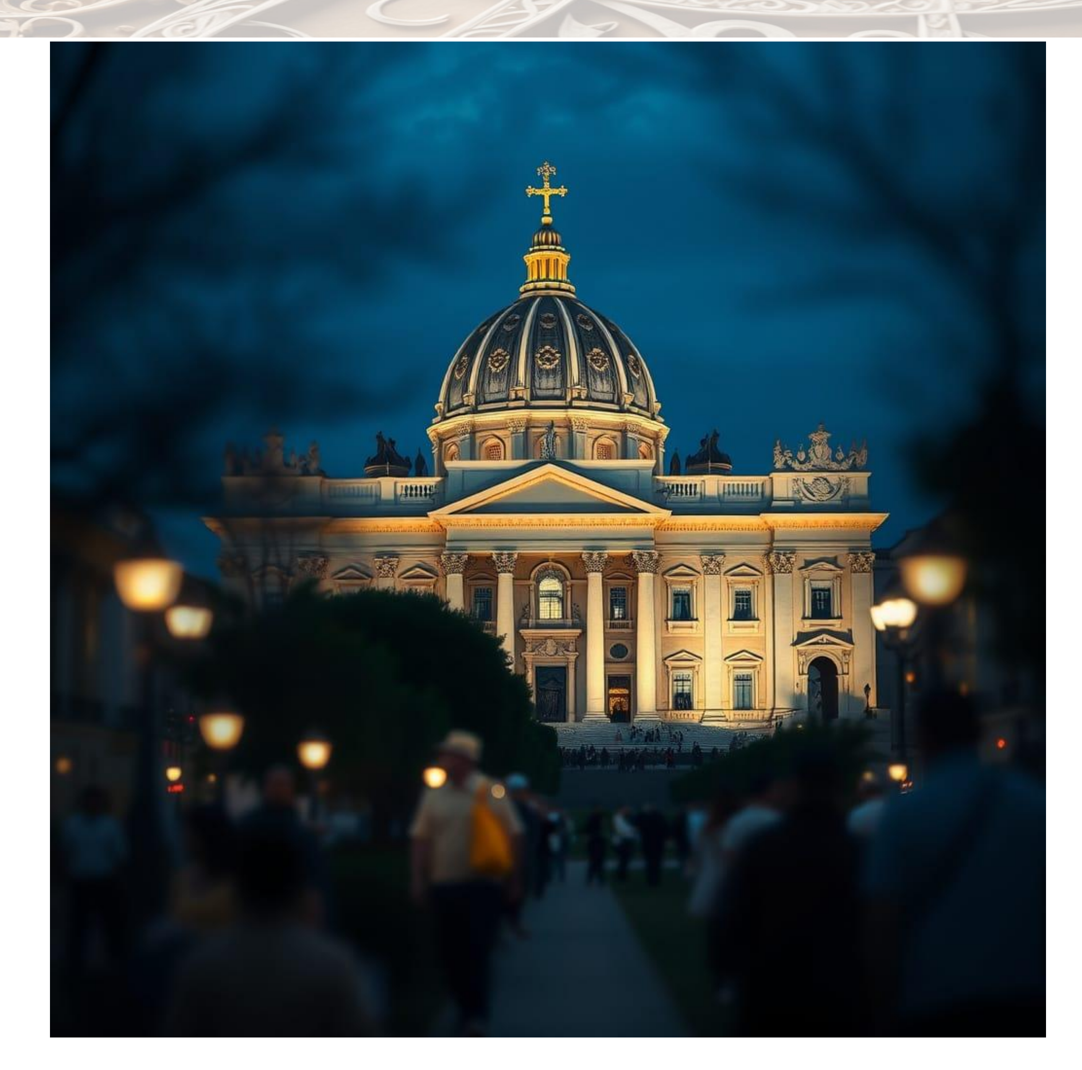
Я читал, как философы оскорбляют твоё творение,
Я слышал, как драматурги преклоняются перед убийством,
Глупых политиков, обещавших счастье,
Журналистов, которые часто забывают о любви.

Я проповедовал заблудшей молодёжи,
Воспитанной в капризных желаниях,
Поддерживаемой их покинутыми матерями.
Я совершил покаяние за их судьбу,

Потому что я творил чудеса во имя твоё.
На этой красной пустыне я делаю твою веру своей биографией,
Над религиями, верованиями и философиями,
Как святой Пётр, я должен освободить многих других.

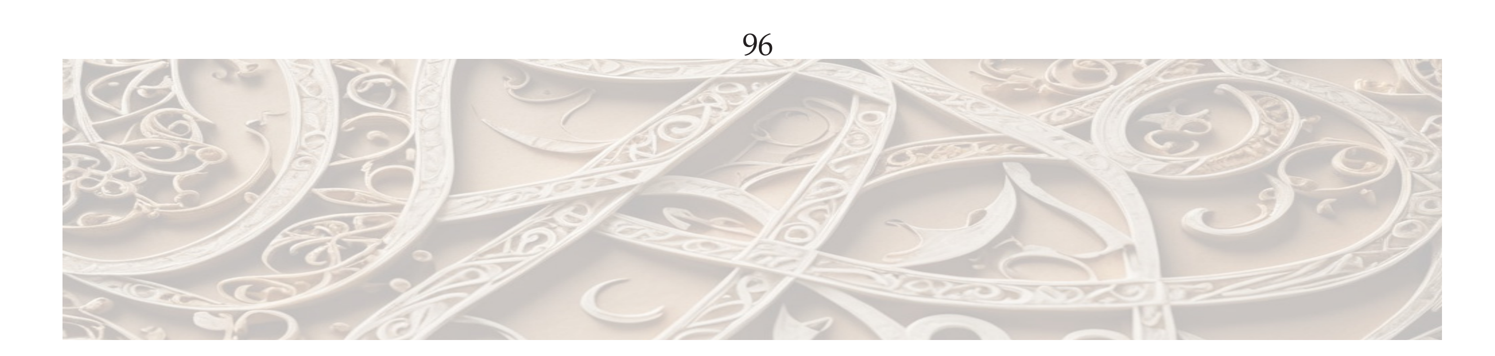

Я предпочитаю видеть, что мир — лишь игрушка

Я предпочитаю видеть, что мир — лишь игрушка,
Огромная планета, на которой играют дети,
Судьбы злодеев, бессонные ночи,
Скорбь о потерянной любви и предательство.

Я предпочитаю видеть, что мир — лишь игрушка,
А мы — фигуры на шахматной доске,
Во власти более искусных игроков,
Неспособные восстать без надзора.

Я предпочитаю видеть, что мир — лишь игрушка,
Богов, которые могут понять природу игры,
И тех, кто отказывается понимать её правила,
Одни движимы волей, другие — обманом.

Я предпочитаю видеть, что мир — лишь игрушка,
Младенцев, которые счастливо принимают вызов,
И которые, стремясь стать взрослыми,
Забывают первые инструкции игры.

Я предпочитаю рассказывать, что мы — то же самое Существо,
Которое забыло себя, чтобы породить себя в тебе,
Которое, страдая, жаждет вернуть своё величие,
Чьё исцеление — раствориться во Христе.

Победы произросли из Твоего Слова

Правда, солнце может умереть завтра,
мы можем потерять родных, любимых друзей,
странники, подверженные болезням и упадку,
и всё же, разве у тебя нет этого солнечного дня?

Посмотри на себя, уверенного или хрупкого,
семя всей радости, что тебе нужно,
и даруй благословения без страха,
просто спрашивая:
"как часто я должен благодарить Тебя?"

Ты двигаешь горы и успокаиваешь моря,
я видел, как мужчины славили Тебя фейерверками,
победы произросли из Твоего Слова,
если когда-либо стану известен, буду мудрецом в молитве.

Я видел змей, обездвиженных Твоим приказом,
пережил многие падения с колесниц,
ласкал слонов и побеждал убийц,
ибо Ты благословляешь и защищаешь помнящих Тебя,

тех, кто славит Тебя в этом мире,
в окружении, предлагающем жадность и эгоизм,
презирающем воображение и знание,

сводящем людей к их способности лгать.

Те, кто боится смерти, не запугают нас,
я вижу, как они сеют страх, стонут и плачут,
считая смерть своим худшим несчастьем,
когда она есть путь в ничто, врата рая.

Ты, кто шёл рядом со мной

Ты, кто шёл рядом со мной, сердце в огне,
Сквозь виденья, испытанья, любовь и святые имена,
В каждом стихе душа возрождалась вновь—
Судья, Друг, Тот, кто ведёт нас через тьму.

Идите же, благословенные, огонь в ваших руках,
Царство ждёт, где правда и справедливость живут.
Я оставляю вам песни, но не путь, что прошли,
Ибо в вашем сердце вы слышали голос Бога.

Вы читали о голубях, о городах в благодати,
О слезах Марии и каждом святом месте.
Вы видели, как я боролся с тьмой, восстал в свету,
Целовал крест, говорил с силой Любви.

Я не был особенным—лишь призван петь,
Нести Слово, рану, корону, кольцо.
Но вы, о читатели, зеркало небес,
Были избраны всегда—восстаньте же, восстаньте!

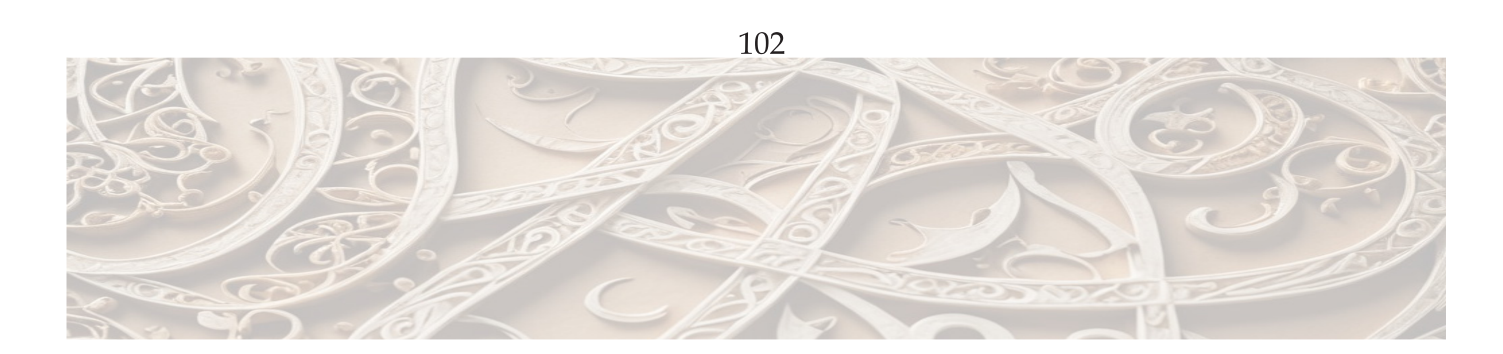
Идите же, благословенные, огонь в ваших руках,
Царство ждёт, где правда и справедливость живут.
Я оставляю вам песни, но не путь, что прошли,
Ибо в вашем сердце вы слышали голос Бога.

Прощайте, братья чувства и ночи,
Несите Его имя, факелы в битве.
И если спросите: «Кто был он, этот голос Петра?»
Скажите: «Мы плакали со Христом и радовали мир».

Эпилог: Капитуляция Рима

Четырнадцать лет прошло, и написанное здесь
Оказывается реальным, не пустой мечтой.
Пророк пишет не в прошлое и не в будущее,
А к тем, кто видит божественное в человеческом.

В этих стихах отражается каждое существо,
Обретает свою суть, свою сокровенную правду.
Тайна Бога, или Богини, или ничто,
Любовь лишена эго, отрекается от вины.

Моё имя не важно; мы — Бог или огонь,
Мы — чистое чувство, честность, что ведёт,
Любовь, правда, что ты говорил в детстве,
Милосердие, что отводит столько зла.

Меня преследовал Папа, что отверг Бога,
Моя молитва — искупление, его кара.
Он признает правду, написанную в этой книге,
Ребёнок благодарен голосу, что его исправлял.

Здесь я проповедовал правду и её ценность,
Лгать — удел фарисеев и интриганов.
Не бойся оскорбить своих братьев,
Если твоё намерение — любовь и верность.

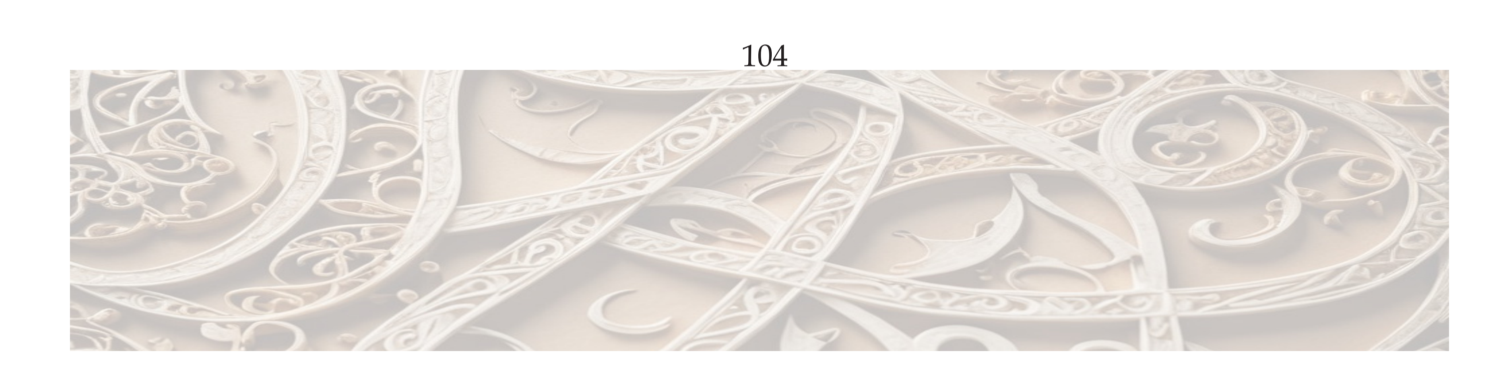

Камни поют о моём присутствии в это время,
В поколении, пленённом ложью,
Что внушает страх смерти и молчанию,
И отрицает Бога, душу, благочестивые умы.

Мы — ангелы Божьи, или Сам Творец,
Если любим Его, Его свет в нас сияет.
И слушай хорошо: мы твёрдо установим
Царство Небесное в этой глине.

Не будет лжи, не будет интриг и заговоров,
Только свет любви, что дал жизнь камням.

Ченнаи, Франкфурт, Атланта, Оттава, Монреаль, аббатство Святого Винсента, Синселехо, 2012 - 2025 гг.

Proof